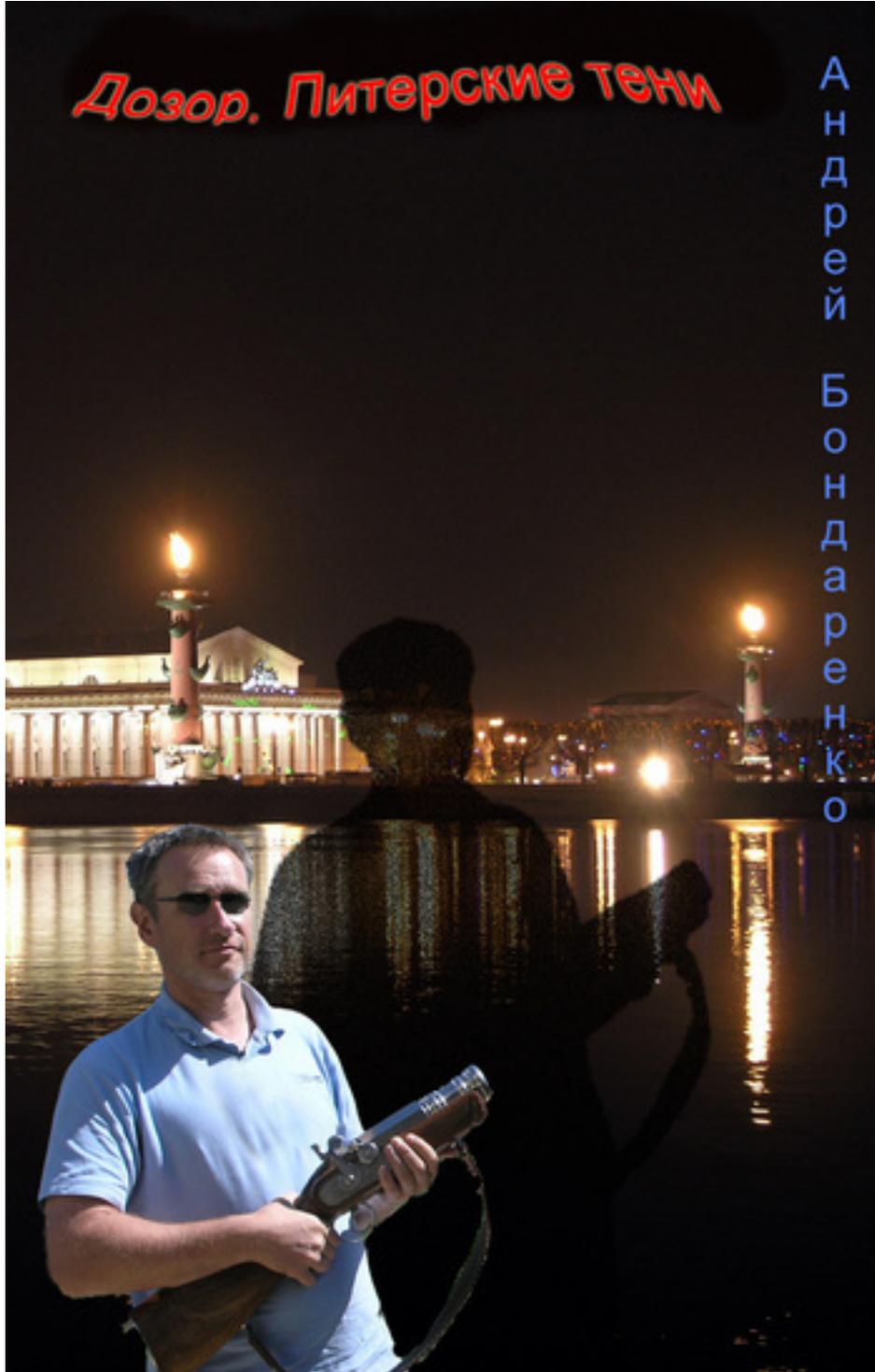

Дозор. Питерские тени

А
н
д
р
е
й
Б
о
н
д
а
р
е
н
к
о

Неформатные книги

Андрей Бондаренко

Дозор. Питерские тени...

«Автор»

2011

Бондаренко А.

Дозор. Питерские тени... / А. Бондаренко — «Автор»,
2011 — (Неформатные книги)

"Свист пули над головой. Ответный выстрел. Отчаянный рывок метров на семьдесят-восемьдесят. Остановка. Перестрелка. Очередной рывок в направлении ближайших домов. Кирпичная стенка, за которой стыдливо прятались переполненные мусорные бачки. Остановка. Выстрел. Смена пистолетной обоймы. Выстрел. Жалобный вопль очередного «бесовского» подчинённого. Выстрел..."

© Бондаренко А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

От Автора	5
Пролог	6
Глава первая	11
Глава вторая	22
Глава третья	31
Глава четвёртая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Бондаренко

Дозор, питерские тени...

От Автора

Где-то – играл рояль. Тихо и не навязчиво.

Играл себе и играл. Старенький, трескучий...

Но, не смотря на эту трескучесть, на Душе становилось всё теплее и теплее.

Бывает. Старый уставший рояль, исполняющий нехитрую вечную песенку – о Любви.

О Любви высокой и невозможной.

О Любви – о которой – можно только мечтать...

Будут ли «совпадения-пересечения» с романом «Ночной Дозор» Сергея Лукьяненко?

Да, будут. Непременно. Но только в плане сюжетных линий. Вернее, в сюжетной структуре. Не более того.

Итак.

На городских улицах – опасно. Но речь идёт не о вампирах, оборотнях, колдуньях и ведьмаках. На улицах живёт другая смертельно-жуткая опасность – маньяки, педофилы и преступники всех мастей, включая коварных «оборотней в погонах». Те, кто выходит на охоту – и днём, и ночью. Но по следу головорезов и насильников следуют другие охотники, объединённые в «Дозор».

А, вот, никакого Договора между Светлыми и Тёмными не существует. Игра (смертельная и беспощадная, ясен пень), идёт без каких-либо слюнявых и благородных правил. Впрочем, некоторые компромиссы, всё же, присутствуют и здесь.

Последнее. Речь, естественно, идёт о Параллельном Мире. Как один из вариантов.... Впрочем, возможно, что действие происходит и в нашем с вами Мире. Только в Будущем. В году так 2020-ом, к примеру...

Автор

Пролог

Кастет в кармане

В метро было людно и душно. Июльский вечер, пятница.

Часть народа следовала с работы домой, в спальные районы. Другая – до конечной станции «Купчино», чтобы там пересесть на электрички и разъехаться по дачам, так милым городским усталым сердцам.

Разогнавшийся состав неожиданно шатнуло на последнем повороте, пассажиры бестолково завалились направо – друг на друга.

– Что это у тебя, милочка в кармане? – принялась сварливо ворчать пожилая костистая тётка в летнем цветастом сарафане. – Ребристое такое, твёрдое, слегка колючее? Прямо в поясницу мне впилося... Ох, уж, эта современная молодёжь. Никакого уважения к старшим. Совсем распустились и распоясались. Сталина на вас нет...

– Простите, пожалуйста, – незамедлительно отодвигаясь в сторону, смущённо пробормотала Юлька. – Я нечаянно. Не со зла. Извините.

Было очень душно, тревожно и жарко, по спине, нещадно и подло щекотаясь, ползли – размеренной чередой – капельки пота.

«Всё из-за этой дурацкой куртки», – подумала Юлька. – На улице плюс двадцать пять градусов, а в вагоне метро и того больше. В футболке, по идее, надо ходить в такую погоду. Но у куртки есть одно бесспорное и важное достоинство, то бишь, наличие просторных карманов...».

В правом кармане джинсовой светло-голубой курточки лежал надёжный и тяжёлый кастет, треугольное пупырчатое ребро которого и впилося в поясницу ворчливой соседки. В левом кармане находился пузатый светло-зелёный баллончик с качественным израильским нервно-паралитическим газом (сорок пять американских баксов, между прочим, пришлось отдать!). Во внутреннем – короткий самодельный стилет в деревянных ножнах.

Сложить всё это хозяйство в наплечную сумку? Можно, конечно. В том смысле, что сложить-то можно, а вот, достать – в нужный момент – можно и не успеть...

«Дяденька, назначивший по Интернету встречу, судя по фотографии, является достаточно субтильным и хиленьким», – мысленно хмыкнула Юлька. – «Такого и утренней жидкой соплёй, запросто, можно перешибить. Но страховка – в серьёзных делах – лишней не бывает. Прописная истина и жизненная диалектика, так сказать...».

– Конечная станция «Купчино», – устало и равнодушно объявил механический голос. – Дамы и господа, пожалуйста, не оставляйте в вагонах метрополитена посторонних вещей и подозрительных предметов...

Перейдя по подземному переходу на нужную сторону, девушка вышла на Балканскую площадь.

– Охотнички, блин, – язвительно проворчала костистая тётка в цветастом сарафане, идущая рядом. – Твари ненасытные. Колодцы бездонные. Ну, чисто шакалы степные...

– О ком это вы? – поинтересовалась Юлька.

– А вон, видишь, менты парочками прогуливаются? То есть, полицейские, если поновому... Думаешь, это они надзирают за общественным порядком? Фигушки, милочка, тебе! Мужичков высматривают – прилично одетых и пьяненьких. Мол: – «Предъявите ваши документы! Попрошу пройти с нами!». Удостоверение мельком покажут и поведут – якобы в отделение, расположенное на Купчинской улице. Не доведут, конечно. В ближайшей подворотне умело обшманоют, физию слегка начистят, деньги и мобильный телефон отнимут, после чего

отпустят – на все четыре стороны.... О, времена! О, нравы! Куда катится наш долбаный и зачуханный Мир? Я и говорю, что Сталина на вас, охламонов болтливых, нет...

– Вы местная? – понимающе вздохнув, спросила Юлька.

– Можно и так сказать, – заважничала тётка. – Родилась-то я, правда, на Средней Охте, но в десять с половиной лет сюда переехала.... Видишь, справа – шестнадцатизэтажный красно-белый дом?

– Вижу.

– Лет так тридцать пять тому назад мы со школьными подружками – на этом самом месте – грибы собирали. Отменные черноголовики, моховики, маслята и опята.... Ну, куда тебе надо, пигалица белобрысая?

– К роддому. Он расположен, кажется, на Малой Балканской улице.

– Не рано ли, девонька? Тебе же, наверняка, ещё и семнадцати годочков не исполнилось.

– Угадали, только шестнадцать с половиной, – лучезарно улыбнулась Юлька, после чего – на всякий случай – соврала: – У меня там старшая сестрёнка лежит. Уже полторы недели. На сохранении.... Как мне добраться до роддома? На каком транспорте? Подскажите, пожалуйста.

– Не секрет, понятное дело, – вальяжно передёрнула покатыми плечами тётка. – Видишь, кубическую бетонную тумбу, на которой стоит тощий очкарик? Сразу за тумбой повернёшь налево. Дошагаешь до трамвайной остановки. Сядешь на «шестьдесят второй» маршрут и доедешь до кольца. Оно расположено, как раз, рядом с роддомом. Роддом сразу увидишь и мимо не пройдёшь. В том плане, что других зданий-сооружений там и нет. По крайней мере, достроенных.... Удачи, тебе, пигалица. Мне, извини, в другую сторону...

Возле серой бетонной тумбы, на которую забрался тощий мужчина в очках, собралась небольшая толпа зевак.

Очкарик, одетый в драные тёмно-синие джинсы и светлую футболку с портретом Эрнесто Че Гевары, нараспев, слегка рисуясь, читал стихотворение:

Всё, что накапало...

Ладно, прорвёмся.

Чай, не впервой, старина?

Нет, не впервой. Ящик с гранатами?

Нет, он пустой. Одна...

Личная?

Личная. Не обезличенная.

Девушка есть у меня.

Светлая, стройная, слегка – веснушчатая...

Ты уходи, старина...

Вон – вертолёт. Он гудит на севере.

Точка – всего полчаса.

Ты – извини, но ноги прострелены.

Ты извини – навсегда...

Времени нет. Всё, тихонько прощаемся.

Замерли – звуки – вдали.

Только свирель – всё поёт – на израненном,

Дальнем краю Земли.

Только свирель – всё поёт – на израненном,

Дальнем краю Земли...

«Красивое стихотворенье. Откровенное и правильное», – мысленно признала Юлька. – «А, вот, сам очкастый парнишка особого доверия не вызывает. Лет двадцать с небольшим, цыплячья кадыкастая шея, реденькая-реденькая короткая бородка. Хиппи натуральный, если коротко. Не верится, что такой индифферентный тип принимал участие в активных боевых действиях... Кстати, Главная героиня этого стишка очень напоминает меня. Светлая, стройная, чуть-чуть веснушчатая...».

Девушка мельком взглянула на крохотные наручные часики и ускорила шаг – было уже девятнадцать тридцать, до назначенной встречи оставалось сорок пять минут.

– Не стоит опаздывать, – тихонько прошептала Юлька. – Мнительный клиент может заподозрить неладное и соскочить...

Трамвай, громко и надсадно дребезжа на стыках рельсов, сделал широкий полукруг и остановился возле длинного серого здания.

– Роддом, кольцевая! – объявил вагоновожатый. – Выходим, граждане и гражданки! Выходим, не задерживаемся... Разбудите, пожалуйста, мужчину на заднем сиденье. Девушка в джинсовой куртке! Я вам говорю!

Юлька прошла в хвост вагона и, слегка прикоснувшись ладонью к плечу неизвестного гражданина, сообщила:

– Приехали, уважаемый! Конечная остановка... Да, просыпайся уже, деятель!

– А, куда? – мужчина открыл глаза и непонимающе завертел головой. – Где я? Почему? Что происходит?

– Ничего странного и непоправимого не происходит, – заверила добросердечная Юлька. – Приехали на кольцо. Роддом.

– Зачем мне – роддом?

– Я не знаю, дяденька. Пить надо меньше. Поднимайся и вылезай наружу, пока вагоновожатый ментов не вызвал. То есть, полицейских.

– Ой, боюсь, боюсь, – дурашливо заблажил мужчина. – Повяжут, ведь, волки позорные. Оберут до последней нитки, суки рваные и алчные. В холодную камеру бросят... Как думаешь, красotka?

«Лет тридцать пять, наверное, собеседнику», – машинально отметила Юлька. – «Лысоватый, мешки под глазами, лёгким перегаром пахло. Вернее, недавно выпитым пивом... Но, вместе с тем, чувствуется, что мужичок крепкий и физически неплохо подготовленный. Одет, кстати, в мешковатую холщовую куртку с ободраным правым плечом. То есть, не по сегодняшней жаркой погоде... Дырочка-то на плече свежая – нитки свисают, края испачканы в крови. Ладно, его дела. Бывает...».

Так и не ответив на заданный вопрос, Юлька, гордо потрянув светлой чёлкой, покинула выгон.

Выбралась наружу и внимательно огляделась по сторонам.

Ленивое вечернее солнышко, разбрасывая вокруг себя нежно-малиновое марево, неподвижно висело в западной части небосклона. Высоко в блёкло-голубом небе, обещая хорошую погоду, отчаянно носились – крохотными чёрными точками – бодрые стрижи.

Справа – относительно трамвая – возвышалось серое скучное здание роддома, к которому направились все остальные пассажиры – человек семь-восемь, не больше.

Слева, примерно в полукилометровом отдалении, наблюдался полуразвалившийся деревянный забор грязно-синего цвета, за которым угадывалась приземистая бетонная коробка неизвестного долгостроя. В ту сторону никто не шёл.

Удовлетворённо улыбнувшись и насвистывая что-то неопределённо-легкомысленное, Юлька зашагала налево.

Отойдя метров на сто пятьдесят, она – как и полагается в таких случаях – резко обернулась. Лысоватый пассажир, выбравшись из трамвая с мятой сигаретой, зажатой в зубах, пытался прикурить, бестолково щёлкая зажигалкой.

– Надо развернуться на сто восемьдесят градусов, – насмешливо хмыкнула девушка. – То бишь, чтобы прикрыть зажигалку от порывистого ветра. А так-то можно долго упражняться. Пьяницы эти горькие – сплошная ошибка природы...

Пыльная дорога привела её к воротам, одна из створок которых лежала в широкой канаве, заполненной до краёв буро-чёрной водой.

«Странное дело», – непонимающе пожала плечами Юлька. – «Говорят, что в нашей любимой России – окончательно и бесповоротно – победил рачительный капитализм. Мол, кругом сплошная частная собственность... Почему же данный недостроенный объект не охраняется? Может, это какой-то государственный заказ-объект? Например, второй корпус купчинского роддома? Мол, вороватый частный подрядчик получил сто процентов предоплаты и, долго не раздумывая, подло свинтил в неизвестном направлении? Вполне реальная версия, вполне... Так, а куда дальше? В последнем электронном послании дядечка написал: – «От ворот надо повернуть направо. Через сто двадцать метров дошагаешь до бетонной полукруглой арки. По ней пройдёшь во внутренний дворик. Увидишь дверь парадной, на которой нарисован маленький красный крест. Там, внутри, я тебя, сладенькая моя, и буду ждать. Стол уже будет накрыт, а кровать застелена чистым постельным бельём. Твой истосковавшийся и неутомимый пупсик...». Тварь грязная и похотливая! Кровью, сволочь, умоешься! Убивать, конечно, не буду. Но яйца подонку отобью качественно, чтобы ничего сделать – в сексуальном плане – никогда уже не смог... Сто двадцать метров? Это сколько же шагов? Надо думать, что в районе ста пятидесяти...».

Девушка свернула под бетонную арку и, пройдя по узкому коридору порядка сорока-пятидесяти метров, оказалась во внутреннем дворике, захламлённом разнообразным строительным мусором: полусгнившими деревянными рамами, кучами битого стекла, пустыми банками из-под краски и беспорядочно разбросанными чёрными цилиндриками битума.

– Бардак и бедлам, блин горелый... Где же эта дверь с красным крестиком? Ага, вижу, – машинально нашаривая ладонью в кармане кастет, тихонько пробормотала Юлька, после чего громко позвала – приторно-игривым голоском: – Семён Семёнович! Ау! Я пришла, встречай!

Дверь, тревожно проскрипев ржавыми петлями, широко распахнулась, и сутулый лохматый человечек неопределённого возраста, украшенный характерной «чеховской» бородкой, посоветовал:

– Не стоит так громко кричать, звезда очей моих. Нам же с тобой, Матильдочка, огласка не нужна, верно?

– Не нужна, – покладисто подтвердила Юлька.

– Тогда, птичка моя изящная, заходи.

– Ну, не знаю, право...

– Изображаешь трепетное девичье смущение? – криво улыбнувшись, прозорливо предположил человечек. – Цену себе набиваешь? Хочешь, чтобы тебя поугovarивали? Оно, если вдуматься, и правильно. Девственность – товар ценный, хотя и одноразовый... Хи-хи-хи!

Сзади послышалось размеренное пыхтение:

– Хы-хы-хы...

Юлька торопливо обернулась и досадливо поморщилась – на выходе из коридора, по которому она пришла во внутренний дворик, сидела, смешно вывалив розовый язык на сторону, большая чёрно-пегая овчарка. На шее собаки располагался широкий кожаный ошейник, усыпанный пирамидальными солидными шипами, а неподвижные круглые глаза отливали равнодушным балтийским янтарём.

Опять заскрипело – тревожно и глумливо.

– Привет, бикса расписная! – известил хриплый басок, в котором с лёгкостью угадывались похотливо-сальные нотки. – Ножки у тебя – закачаешься. Не обманул Интернет...

«Два молодых широкоплечих облома вышли из соседней, самой обычной двери, не отягощённой всякими крестиками», – загрустила Юлька. – «Три мужика и здоровенная овчарка в придачу к ним? Многовато будет. Ладно, ещё не вечер. В том смысле, что побарахтаемся...».

Она извлекла из одного кармана кастет и ловко надела его на костяшки правой руки. После чего достала из другого кармана баллончик с газом и замерла в оборонительной стойке.

«Надо их слегка удивить», – шустрой мышкой пробежала в голове здравая мысль. – «А потом – отработанными пируэтами – ненавязчиво переместиться к коридору, «познакомить» собачку с качественным израильским газом и задать дёру... Обидно, конечно, что дельце сорвалось, но, как говорится, не до сантиментов. Достану Семёна Семёновича, гниду штопанную, в следующий раз...».

Глава первая

Любитель пива и вечер, богатый на события

День не задался с самого утра. Из знаменитой серии: – «Похмелье – штука тонкая...».

Вчера праздновали день рождения Серёги Данилова, Гришкиного закадычного приятеля детских и юношеских лет: тридцать семь лет – дата очень серьёзная и знаковая.

Помните, у незабвенного Владимира Семёновича? Мол: – «На цифре тридцать семь – с меня слетает хмель. Вот, и сейчас – как холодком подуло. Под эту цифру Пушкин – подгадал себе дуэль. И Маяковский – лёг виском на дуло...».

Впрочем, действительность развивалась вчера – строго вопреки строкам легендарного поэта. Вернее, с точностью, но наоборот. Во-первых, никаким холодком «не дуло», наоборот, было до полного безобразия душно и жарко. А, во-вторых, хмель «не слетал», а – тупо и целе-направленно – оккупировал головы празднующих...

– Блин, как голова-то трещит, мать его – стонал утром Гришка. – Эх, пивка бы сейчас глотнуть... Интересно, а чем вчерашний вечер закончился-завершился? Надёюсь, без всяческих гадких эксцессов и непотребств? Непотребств – в самом широком смысле этого многогранного термина?

Вопросы эти изначально являлись риторическими, так как в квартире кроме Григория никого не было.

Уточним сразу, на берегу, в запущенной и обшарпанной холостяцкой квартире. Так, вот, получилось. Бурная жизнь и постоянные разъезды, они – никоим образом – не способствуют созданию крепкой семьи. Они, между нами говоря, ничему дельному, вообще, не способствуют. Разве только кругозор действительно расширяют, повышают остроту мироощущения и эффективно способствуют формированию философского взгляда на жизнь...

– Может, оно и к лучшему, что вчера с той пухленькой блондиночкой ничего конкретного не сладилось, – не вставая с дивана, пробормотал Гришка. – Поцеловались немного в медленном танце, да пару-тройку минут пообжимались в укромном уголке. Дальше, судя по моему сегодняшнему одиночеству, дело не продвинулось... Почему – к лучшему? Ну, как же, плавали – знаем. Дело-то обычное. Приводишь с вечера в дом симпатичную и милую девушку. А утром глаза открываешь и медленно офигиваешь – рядом с тобой лежит самая натуральная и законченная мырма. Которая, как выясняется немного позже, является – ко всему прочему – лярвой, курвой и стервой. Проходили уже. Причём, неоднократно... Интересно, а как я, всё же, дома оказался? Надо будет потом уточнить у Серёги. Эх, пивка бы глотнуть...

А, вот, пиво – на ближайшие сутки – ему было противопоказано. Вернее, категорически запрещено строгими правилами Дозора. С двенадцати часов дня Гришка заступал на суточное дежурство по благословенному Купчину.

В чём заключались должностные обязанности дежурного? Находиться в полной боевой готовности и терпеливо ждать. Чего – ждать? Телефонного звонка от диспетчера. Или, к примеру, электронного письма. Получив сообщение, дежурный должен выдвинуться на обозначенное место и разобраться с возникшей негативной ситуацией. Разобраться – это как? Убить? Совершенно не обязательно. Просто «разобраться по собственному усмотрению». То бишь, Дозор полностью и безоговорочно доверял своим дежурным...

В десять пятьдесят пять Гришка, задействовав остатки силы воли, покинул гостеприимный диван и занялся собственной комплексной реанимацией. В оздоровительный комплекс входили следующие элементы, выполняемые последовательно: ледяной душ, полноценная разминка из арсенала мастера карате-до, контрастный душ, большая кружка крепкого-крепкого

кофе (без молока и сахара), яичница (из четырёх яиц), и два бутерброда с полукопчёной колбасой.

В двенадцать ноль-ноль он, подготовив всё необходимое, заступил на пост. То есть, уселся за хлипкий компьютерный столик, на котором располагался навороченный ноутбук.

Зайдя на нужный сайт, Гришка недоволено проворчал:

– Ну, вот, полное отсутствие свежих новостей. По всему городу объявлена так называемая «белая полоса». Значит, уже двое суток маньяки, педофилы и прочие кровавые уроды себя никак не проявляли.... Впрочем, ничего странного, наш Дозор-то не дремлет. Только за последние полгода ликвидировали десятка три-четыре профильных субчиков.... Всё это, конечно, хорошо, правильно и мило. Но, я-то? Пивка бы. Типа – не пьянства ради, а здоровья для. Нет, понимаешь, сиди возле компьютера, как привязанный. Терпеть ненавижу такие спокойные и скучные дежурства. Ладно, раз такое дело, займёмся денежной тематикой...

Он отключил Интернет, вошёл в «Мои документы» и принялся дописывать позавчерашнюю статью о «преимуществах белёной целлюлозы, произведённой из сибирской лиственницы, при производстве двухслойной туалетной бумаги».

Последние полтора года Григорий Антонов являлся «свободным художником от литературы». То есть, писал по заказам отраслевых журналов, газет и сайтов – совершенно на любую тематику – пространные статьи и аналитические обзоры. Много денег эта деятельность не приносила, но на скромное существование вполне хватало. В том плане, что смерть от голода Гришке не грозила. Да и Дозор – время от времени – подбрасывал копейку. Типа – премиальные «за достигнутые успехи в беспощадной борьбе с разнообразной человеческой гнилью».

Кто конкретно входил в понятие – «человеческая гниль»? Много кто. Маньяки, серийные убийцы, главари уличных банд, педофилы, обычные насильники, криминальные авторитеты, курирующие наркоторговлю и проституцию.... Короче говоря, человекообразные индивидуумы, не достойные именоваться «людьми». Законченные и отвратительные уроды, в отношении которых современные российские Власти проявляли и проявляют ничем неоправданный мягкотелый либерализм.

– Им-то что? – презрительно скривился Гришка. – Я имею в виду зажавшуюся и обнаглевшую в корягу российскую бизнес-политическую элиту. И они, и их обожаемые детки, да и все близкие родственники живут сугубо в престижных районах и трущоб – без надёжной охраны – никогда не посещают. То бишь, не сталкиваются они – нос к носу – с отбросами общества человеческого. Для богатых и упакованных все кровавые и мерзкие преступления – виртуальны. Мол: – «Слышали, конечно, но лично никогда не сталкивались...». В такой ситуации очень легко быть добрым, либеральным и милосердным. Даже смертную казнь, так их всех и растак, умудрились отменить.... А сколько преступников по-простому откупается, заслав денежные знаки прокурорам и следователям? Да, считай, каждый второй, мать его! Бред законченный.... Как говорится, сытый голодному не товарищ, а вальяжный барин никогда не проникнется проблемами и нуждами голодного холопа.... Ладно, и без них, оторванных от реальной жизни, разберёмся. Кто-то, ведь, должен реально помогать слабым и беззащитным? Кто-то, ведь, должен карать скотов законченных? Кто-то, естественно, должен. В данном конкретном случае – наш Дозор.... Фу, какая нестерпимая и жуткая духота! Окна распахнуты настежь, но это почти не помогает – уже весь пропотел, впору футболку с трусами менять.... Надо будет поговорить с Шефом – по поводу внепланового двухнедельного отпуска. Мол, плохо переноси жару, мозги закипают и всё такое. Пора съездить на родимый Кольский полуостров – охладиться чуток, рыбки половить....

Как по-настоящему звали руководителя Дозора, Григорий точно не знал. Некоторые величали его Иваном Петровичем. Другие (незнакомые с первыми), Николаем Борисовичем. Поэтому Гришка всегда и везде именовал шефа – «Шефом». А с его лёгкой руки и большин-

ство соратников по Дозору поступали также. Мол, и суть человека полностью отражает, и от нелогичной путаницы действительно избавляет...

Без двадцати три призывно запиликал мобильник.

– Да, Антонов слушает, – поднося к уху крохотный тёмно-синий брусок, известил Гришка.

– Привет, Гриня! – насмешливо прошелестел Маринкин голос. – Как жизнь молодая? Как здоровье богатырское?

– Спасибо, терпимо. В том плане, что бывало и гораздо хуже.

– Неужели, нарушив строгие «дозоровские» правила, пивка глотнул?

– За кого ты меня принимаешь? – искренне возмутился Гришка.

– За тебя, Антонов. За тебя.... Надеюсь, ты не забыл, что я целых семь месяцев являлась твоей гражданской женой?

– Не забыл. Неплохое было времечко, жаркое. По крайней мере, первые четыре месяца из вышеупомянутых семи.... Кстати, я так толком и не понял, почему ты ушла от меня. Может, прояснишь? Если, конечно, не секрет. Буду, так сказать, признателен...

– Нет, не секрет, – печально вздохнула Маринка. – Ты, Гриня, редкостная и экзотическая помесь. И этим, блин, всё сказано.

– Кого, пардон, с кем?

– Природного раздолбая и легкомысленного мечтателя.

– Это в том смысле, что я чуток равнодушен к различным бытовым мелочам? – предположил Гришка.

– И это, конечно, тоже. Но главное заключается в другом...

– В чём же, родная?

– В том, что выглядишь ты как взрослый матёрый мужик, а на самом деле являешься – по глубинной сущности – сопливым шестнадцатилетним пацаном, – разозлилась Маринка. – Мало того, что у тебя даже машины нет, так и сами права на её вождение отсутствуют. Мужик, равнодушный к машинам? Неслыханное, право слово, дело! Ладно, проехали.... Забудем о наших личных разногласиях и трениях. Сегодня я – диспетчер и не более того. Договорились?

– Лады. Выдавай вводную информацию. Слушаю, затаив дыхание, очень внимательно.

– Значится так. Я тебе всё переслала по электронной почте – несколькими файлами.

Ознакомишься, не маленький, чай. Там всё изложено доходчиво и однозначно.

– А в чём, извини, суть? – уточнил Гришка. – Ежели в двух кратких словах?

– Педофилия. Причём, купчинская.

– Провести жёсткую профилактику? Или же зачистку по полной программе?

– Шеф тебе, раздолбаю лысому, почему-то безоговорочно доверяет, – неодобрительно хмыкнула Маринка. – Велел передать, мол, действуй сугубо по сложившейся обстановке.... Ладно, занимайся делом, не буду отвлекать. Через десять-двенадцать минут на вахту заступит другой дежурный по Купчино. Всё, конец связи. Роджер!

Короткие гудки в телефонной трубке...

Гришка оперативно перекачал файлы из «Почты» в «Мои документы», после чего приступил к вдумчивому изучению полученной информации.

Тщательно изучал и – по устоявшейся давней привычке – мысленно комментировал: – «Ага, закрытый профильный сайт, он же – элитарный клуб по нестандартным интересам. Некая шестнадцатилетняя Матильда продаёт – за пять с половиной тысяч долларов – собственную природную девственность. Мол: – «Срочно ищу нежного, щедрого и опытного мужчину, способного провести расширенный практический курс сексуального обучения...». Однако, шустрая девица! И денег хочет подзаработать, и практические навыки получить. Да, нынешней молодёжи не откажешь в махровом цинизме и наглom прагматизме.... Цветная фотогра-

фия означенной Матильды в откровенном купальнике-бикини. Фигурка хоть куда, а стройные ножки растут практически от нежных ушей. Аппетитная барышня, надо признать. Ничего не скажешь... Волосы светло-русые, слегка волнистые. А, вот, лица не рассмотреть толком – огромные пляжные очки мешают... Следующий файл. Что тут у нас? Ага, частная секретная переписка. Наши «дозоровские» хакеры, понятное дело, расстарались. Молодцы... Некто Семён Семёнович – «мужчина нежный, щедрый, страстный, очень опытный, выносливый и тактичный». Ну-ну, блин горелый... Вид до нельзя интеллигентный и subtilный. Тонкие породистые черты лица, лохматая шевелюра, козлиная худосочная бородка, яркий шейный платок, завязанный небрежным узлом. Короче говоря, среднестатистический представитель питерской богемы. Что же, такие загадочные и импозантные личности вызывают у молодых девушек – по неизвестной причине – устойчивое доверие и искреннюю симпатию. Двигаемся, тем не менее, дальше... Судьбоносное свидание назначено на сегодня – восемь тридцать вечера, в недостроенном здании на Малой Балканской. Дверь с маленьким красным крестиком. «Стол будет уже накрыт, кровать застелена свежим постельным бельём. Твой истосковавшийся и нетерпеливый пупсик...». Тьфу, да и только! Приличных слов, сука, коростой поросшая, нет... Не знаю, не знаю. Зачем понадобилось недостроенное здание? Сложности какие-то непонятные, так его и растак. Подозрительно, блин. Хотя... У каждого, как известно, в голове живут собственные усатые тараканы. Не стоит забивать голову разными несущественными и глупыми мелочами... Что делать со всем этим? М-м-м... Наверное, ограничусь – «жёсткой профилактикой». То бишь, шустрой и отвязанной девице, прочитав короткую лекцию о пользе чистоты нравов, пощечин надаю. Или же кожаным ремнём – от всей широкой души – всыплю по мягкому месту. Типа – в зависимости от конкретного градуса настроения... А импозантному Семёну Семёновичу морду чётко набью и руку – ради пушшего эффекта – сломаю. Например, правую... Стоп-стоп! Семён Семёнович, говоришь? Ну-ка, взглянем на его фотку ещё разок. Если мысленно убрать пышную шевелюру и тощую бородку... Чёрт! Может, это господин Пегий? Н-не знаю. Ходили упорные и настойчивые слухи, что его с год назад достал-таки московский Дозор. Хотя, железобетонной уверенности в этом нет... Пегий – тварь серьёзная. Его «методы работы» заключались в следующем. Молоденькая смазливая девчушка (или же девчушки), заманивается в укромное местечко и исподволь пичкается хитрыми препаратами, полностью отключающими рассудок и многократно повышающими сексуальную активность. После этого снимается трёх-пяти часовой порнографический фильм. В завершении действия несчастная девица усыпляется навсегда, а её жизненные органы профессионально извлекаются и помещаются в специальные контейнеры – для нужд трансплантологии. Комплексный, высокодоходный и безотходный бизнес, так сказать... Может, поэтому и появилось недостроенное здание в полукилометре от купчинского роддома? Место укромное, из серии – глуше не бывает, зови – не дозовёшься. Может, действительно, Пегий? Чем только чёрт не шутит... Позвонить Шефу? Несolidно как-то беспокоить. Не с руки опытному, тёртому и заслуженному боевику – практически на ровном месте – кипежь поднимать. Сам справлюсь...».

Учитывая возможность серьёзного развития событий, Гришка – в качестве боевого арсенала – решил прихватить с собой следующее: семизарядный браунинг, оснащённый глушителем, запасную обойму, дельный нож, бельгийский ножик, «стреляющий» короткими лезвиями, напоминающими слегка расплющенные плотницкие гвозди, две пары надёжных наручников и пять японских звёздочек. Браунинг был легальным. То есть, «наградным», с соответствующим разрешением.

Для того, чтобы комфортно разместить все эти причиндалы, пришлось, естественно, надеть холщовую мешковатую куртку. Жарковато, конечно же, но ничего не поделаешь...

Квартиру Григорий покинул в восемнадцать ноль-ноль – решил подойти к намеченному объекту заранее, осмотреться, принюхаться, ну, и так далее.

От дома – до искомого долгостроя – было около трёх с половиной километров, поэтому он решил не задействовать для передвижения по городу общественный транспорт, тем более что и погода располагала к оздоровительной прогулке – на улице размеренно дул прохладный восточный ветерок.

– С Ладоги дует, – тихонько пробормотал Гришка. – На Кариджской косе сейчас, наверняка, крупный окунь отлично клюёт...

Он проходил мимо обшарпанного продуктового павильона, на витрине которого красовалось завлекательное объявление: – «Всегда в продаже – свежее пиво живого брожения! Прямой договор с заводом-производителем! Не будь законченным лохом, утоли, приятель, свою жажду!».

«Вот же, суки позорные и коварные! Соблазнитель хреновы!», – мысленно возмутился Гришка. – «Разве можно так издеваться над людьми? Человек, как известно, слаб. А мне сейчас, перед важной операцией, нервничать противопоказано. Совсем... Как, спрашивается, можно заниматься серьёзным делом, когда нервная система полностью расшатана? Никак, ясен пень трухлявый...».

Виновато вздохнув, он уверенно вошёл в павильон и, наплевав на все сомнения скопом, купил двухлитровую пластиковую бутылку «Василеостровского светлого».

Гришка, решив, что лишние полчаса у него точно есть, свернул направо – в сторону местного хилого парка. Вернее, большого сквера, огороженного по периметру густым кустарником и покрытого густой сетью узких гравийных дорожек.

В обычное время по этим дорожкам размеренно трусили упорные бегуны всевозможных возрастов, заботящиеся о своём здоровье, и неторопливо перемещались юные мамочки с детскими колясками. Но разгар лета – период особый. Мамочки – вместе с младенцами и колясками – разъехались по пригородным дачам. А, упорные бегуны? Они, скорее всего, тупо переключившись на оздоровительное плавание, отправились на морские зарубежные курорты...

Григорий – в гордом одиночестве – неторопливо шагал по крайней левой дорожке и, почти забыв о важном задании, беззаботно наслаждался живительным вкусом любимого пенного напитка. Самочувствие и настроение предсказуемо улучшались прямо на глазах...

Впереди замаячила просторная ярко-голубая беседка, в которой заседали-болтали два человека. Гришка, машинально насторожившись, резко остановился – неподалёку от парковой беседки был припаркован приметный тёмно-бордовый джип.

Вообще-то, многочисленные красно-белые знаки-кирпичи строго-настрога запрещали частным машинам появляться в сквере. Но этот джип принадлежал Бесу, который уже давно привык плевать на все запрещающие знаки, правила и законы.

Когда-то давно Беса звали – «Васька Харитонов», и трудился он – в качестве второго секретаря – во Фрунзенском райкоме ВЛКСМ города-героя Ленинграда. Потом началась бестолковая Перестройка, и Ленинград однажды, почти незаметно для его населения, преобразовался в Санкт-Петербург. Васька же – сугубо для начала – подался в отечественные кооператоры, а чуть позже переквалифицировался в идейного активного рэкетира и стал именоваться – «Бесом».

Потом к Власти пришёл Владимир Путин и начал-развязал против «братков» необъявленную войну. Одних рэкетиров перестреляли хмурые ребята из «Белой стрелы», других посадили на приличные сроки, третьи – те, кто посообразительнее – успели перейти в разряд законопослушных бизнесменов и мирных партийных функционеров. Бес, как это и непечально, попал во вторую группу...

Отсидев около девяти лет, он вернулся в родимое Купчино. Вернулся, оклемался, остепенился, завязал с криминальным прошлым, даже устроился на престижную и высокооплачиваемую работу – помощником депутата к одному из подельников прошлых тёмных лет, ока-

завшемся на удивление дальновидным, ушлым и пробивным... Устроиться-то устроился. А, как быть со старинными привычками и юношескими понятиями? Вот, то-то и оно...

«За задней стенкой парковой беседки растёт высокий и густой кустарник», – педантично отправляя в урну пустую пластиковую бутылку, отметил Гришка. – «Подобраться бы. Да и послушать, что у Беса нынче на уме? Вдруг, удастся узнать что-нибудь важное и актуальное? Опять же, в кустиках можно будет и пописать...».

Через несколько минут он занял намеченную позицию.

– Где же она, тварюшка столичная? – нетерпеливо спросил Бес. – Опаздывает. Может, передумала?

– Не гони волну, уважаемый, – посоветовал незнакомый хриплый голос, в котором угадывался лёгкий грузинский акцент. – Появится наша прекрасная Сева. Никуда, леденцовая, не денется. Говорят, что у неё совсем плохо с деньгами. Мол, покойный академик был человеком небедным, но очень уж скрытным. То есть, копыта неожиданно откинул, а любимая жёнушка так и не узнала, где бабло лежит... Ага, такси остановилось. Приехала, голубушка расписная, к нам идёт. Ох, красивая деваха! Стильная... А машина, естественно, осталась на месте.

– Это точно Сева? – забеспокоился Бес. – Ошибки быть не может?

– Я же с ней лично не знаком, только фотки видел в глянцевого журналах... Не, точно – она. Гадом буду. Только постарела малость. Надо думать, от сердечных переживаний...

«У женщины – мужское имя?», – осторожно выглядывая из-за кустов, засомневался Антонов. – «А, вот, это кто. Северина Никонова-Логинова, модная фотомодель и уверенная звезда отечественного подиума. Известная в мире гламура как – «Сева». Интересный, колочки круглые, поворот событий...».

Женщина, идущая по гравийной дорожке купчинского сквера, была одета в лёгкий летний брючный костюм цвета выдержанного ирландского виски. Не очень-то и высокая, не очень-то и молодая – уже за тридцать. Рыжеволосая и коротко-стриженная. Но очень стройная и грациозная, с характерной кошачьей походкой.

Короче говоря, совершенно ничего особенного, но глупое Гришкино сердце, явственно вздрогнув, забило учащённо и неровно.

– Северина Ивановна, наяда! – весенним курским соловьём принялся заливаться Бес. – Ваша неземная красота способна сразить наповал кого угодно! Мы польщены вашим долгожданным визитом...

– Не утруждайте себя пустой болтовнёй, господин Харитонов, – высокомерно усмехнулась женщина.

– Даже так? – искренне удивился Бес. – Вы умудрились-таки навести справки относительно моей скромной персоны?

– Ага, я девушка весьма серьёзная и очень предусмотрительная.

– Значит, и мне нет нужды представляться? – уточнил голос с лёгким грузинским акцентом.

– Угадали, уважаемый дато-батано.

– Что же, бывает... Проходите, прелестница, присаживайтесь на скамеечку... Поговорим, как я понимаю, начистоту?

– Поговорим, – покладисто согласилась фотомодель. – Итак, господа, сразу перехожу к делу. Полтора года назад был убит мой муж, известный учёный Виктор Степанович Логинов. То есть, застрелен на пороге нашего загородного подмосковного дома, после чего сам дом был подвергнут обыску. Вернее, перерыт сверху донизу и разорён. Вся антикварная мебель была разобрана и разбита на составные части, кроватные матрасы распороты, даже пальмы-фикусы выдрали из кадок... Не прошло и трёх месяцев после похорон, как мне стали поступать предложения – продать научные архивы, оставшиеся после покойного супруга. Эти предложения исходили от непонятных и мутных посредников, которые не внушали ни малейшего

доверия. Поэтому я выдвинула непреложное условие, мол, буду вести все дальнейшие переговоры только напрямую. То бишь, непосредственно с заинтересованной стороной... Пока я всё верно излагаю?

– Абсолютно, – подтвердил неизвестный грузин.

– Месяц назад – некто Бес – вышел на меня и предложил встретиться... Что же, как видите, это предложение принято. Более того, я сразу же сообщаю, что готова продать архивы покойного мужа.

– Цена вопроса?

– Она состоит из двух частей. То есть, из материальной и информационной. Материальная – два миллиона Евро...

– Сколько-сколько? – картинно взвыл Бес. – Да вы, милочка, с ума сошли...

– Не смейте меня перебивать! – очень натурально вспыхнула Северина. – И не «милочка» я вам! Много возомнили о себе, гражданин Харитонов... Итак, два миллиона Евро. Причём, купюрами уже бывшими в обращении, номиналом по «сто» и «двести» в равных пропорциях... Информационная часть. Я хочу знать имя человека, «заказавшего» моего мужа. Естественно, необходимы и железобетонные доказательства.

– Э-э-э, м-м-м, – замялся грузин. – Но, позвольте...

– Не позволю! Не перебивать! Продолжаю... Предлагается следующая рабочая схема честного взаимобмена. Интересующий вас архив находится в хранилище одного крупного питерского банка. В бронированной ячейке, хитрый замок-запор которой настроен на папиллярный рисунок указательного пальца моей правой руки. «Живого» пальца, подчёркиваю. Причём, сама я должна – при отпирании – находиться в адекватном, то есть, в обычном и спокойном состоянии.

– Что вы, собственно, имеете в виду?

– То и имею, – презрительно усмехнулась женщина. – Я никогда не страдала избыточной наивностью и доверчивостью... В том плане, что не стоит меня запугивать, третировать, похищать и пытаться. В нервном и стрессовом состоянии у любого, даже самого хладнокровного человека повышается потоотделение и учащается пульс. Датчик замка это сразу же почувствует-замечит и не подаст условного сигнала на открытие дверцы ячейки.

– Сильно заморочено, – уважительно протянул Бес.

– А, то... Итак. Созваниваемся, скажем, через неделю. Если у вас всё будет готово, то я сообщу название банка и назначу дату и время встречи. В хранилище банка войдём четвером: я, два банковских служащих и один из вас. Естественно, с объёмными дипломатами, в которых должны находиться деньги и папочка с чётким компроматом на искомого фигуранта... На месте дипломаты открываются. Банковские клерки старательно пересчитывают купюры и проверяют их на подлинность. Я же знакомлюсь с предоставленной вами информацией. Допустим, она произвела на меня должное впечатление, да и с Евро всё в полном порядке. Тогда я открываю ячейку, и ценности меняются местами. То бишь, интересующий вас архив перемещается в дипломаты, а деньги и папка, соответственно, в банковскую ячейку. После этого, довольные друг другом, мы расходимся в разные стороны – как белоснежные пассажирские лайнеры в безбрежном изумрудно-лазорево-океане...

– А, где гарантии, что архивы академика Логинова окажутся настоящими и полными?

– Прекращайте заниматься глупостями, – посоветовала Северина. – Я же ещё жить хочу. Желательно долго, беззаботно и богато... Всё, разговор закончен. Жду вашего звонка. Всех благ, господи!

Едва слышно прошелестели лёгкие шаги.

– Что думаешь по этому поводу, кацо? – минуты через две поинтересовался Бес.

– Думать, брат, дело не наше, – глубокомысленно известил голос с лёгким грузинским акцентом. – Доложу Хозяину, пусть напрягает извилины. Ему это по должности высокой положено... Сама барышня? Шик, блеск и полный отпад. Вот, послушай:

Чистый слог – он нам – завещан Богом.
Стройный стан – на много лет назад.
Осень – затаилась – за порогом.
Листья жёлтые – над городом – летят...

Листья жёлтые – спускаются – на озеро.
Между листьями – лишь – серые глаза.
И звучит – далёкая – мелодия.
В воду падает – нежданная слеза.

Догорит костёр – и я уеду.
В те места, где не был – двадцать лет.
Подновлю могилки – бабке, деду.
Встречу странный, призрачный рассвет.

И пойду гулять – тишком – по городу.
Веря, что случайно – навсегда.
Встречу серые – похожие на омут,
Милые, знакомые глаза...

Встречу серые – похожие на омут,
Милые, знакомые глаза...

– О чём это ты, брателло? – опешил Бес.

– Да, так. Глаза у этой Северины... Школьные годы напомнили. Извини...

Под ногой у Григория предательски хрустнула сухая ветка.

– В кустах – за беседкой – кто-то прячется. Он, наверняка, всё слышал, – весенней голодной гадюкой прошипел Бес и тут же перешёл на крик: – Бугай, Сивый, ко мне! Быстрее! Поймать шпиона!

– Пристрелить его! – уточнил неизвестный грузин. – Нашпиговать маслинами по полной программе...

Гришка, выхватывая из-за пояса браунинг, со всех ног побежал вдоль кустарника.

По правому плечу что-то чиркнуло.

«У преследователей, судя по всему, пистолеты тоже оснащены глушителями», – предостерег опытный внутренний голос. – «Это, братец, серьёзно. Уже не получится – соскочить по лёгкому. Придётся, всё-таки, вступить в локальное боестолкновение...».

Он резко прыгнул в сторону, оказавшись в кустарнике, развернулся и, наспех прицелившись в неясный тёмный силуэт, плавно надавил на спусковой крючок.

– Ох! – падая, болезненно выдохнул преследователь. – Босс, он вооружён! Правую бочину мне, гад, прострелил насквозь...

– Окружить его! – долетел издали голос Беса. – Слон, заходи слева! Мочить урода любопытного! Головами отвечаете!

Свист пули над головой. Ответный выстрел. Отчаянный рывок метров на семьдесят-восемьдесят. Остановка. Перестрелка. Очередной рывок в направлении ближайших домов. Кирпичная стенка, за которой стыдливо прятались переполненные мусорные бачки. Оста-

новка. Выстрел. Смена пистолетной обоймы. Выстрел. Жалобный вопль очередного «бесовского» подчинённого. Выстрел...

Дальше всё пошло проще – один заросший деревьями и кустами купчинский двор, второй, третий...

Забежав за кубическое здание энергетической подстанции, он остановился и, плотно прижавшись спиной к шершавой кирпичной кладке, перевёл дух.

«Могло быть и гораздо хуже», – осторожно прикасаясь ладонью к правому плечу, подумал Гришка. – «Так, только слегка оцарапало. Крови почти и нет, ерунда ерундовая... Другое плохо – патронов мало осталось, всего-то три штуки. Нехорошо, конечно. Время, опять-таки, поджимает. Задания-то никто не отменял. Надо и о судьбе этой глупой Матильды позаботиться, иначе Шеф не поймёт. Мол, перестрелка – перестрелкой, а педофилия – педофилией...».

Гришка, поставив на предохранитель, запихал пистолет за пояс и бодро зашагал прочь от негостеприимного сквера.

Через десять минут он вышел к трамвайной остановке. Вскоре подошёл и нужный «шестьдесят второй» маршрут.

Пройдя в самый конец вагона, Антонов уселся на скамью, оббитую ярко-рыжим дермантином, прикрыл глаза и принялся старательно размышлять о недавнем происшествии.

Впрочем, размышления продвигались откровенно туго, в том плане, что ничего умного в голову не приходило.

Через некоторое время он мысленно признал: – «Да, эта запутанная шарада мне откровенно не по зубам. Доложу Шефу. Пусть голову ломает. Ему это по высокому статусу положено...».

На плечо, прямо поверх свежей царапины, легла чья-то тёплая ладошка, и задорный голосок известил:

– Приехали, уважаемый! Конечная остановка... Да, просыпайся уже, деятель!

– А, куда? – Гришка, не обращая внимания на саднящую боль в плече, открыл глаза и непонимающе завертел головой. – Где я? Почему? Что происходит?

– Ничего странного и непоправимого не происходит, – добросердечно заверила молоденькая симпатичная девчушка. – Приехали на кольцо. Роддом.

– Зачем мне – роддом?

– Я не знаю, дяденька. Пить надо меньше. Поднимайся и вылезай наружу, пока вагоновожатый ментов не вызвал. То есть, полицейских.

– Ой, боюсь, боюсь, – насмешливо прищурившись, дурашливо заблажил Антонов. – Появят, ведь, волки позорные. Оберут до последней нитки, суки рваные и алчные. В холодную камеру бросят... Как думаешь, красотка?

Так и не ответив на заданный вопрос, девица, гордо тряхнув светлой чёлкой, покинула выгон.

Гришка, чуть помедлив и прикусив зубами мятую сигаретку, выбрался наружу и внимательно огляделся по сторонам.

Ленивое вечернее солнышко, разбрасывая вокруг себя нежно-малиновое марево, неподвижно висело в западной части небосклона. Высоко в голубом небе, обещая хорошую погоду, отчаянно носились – крохотными чёрными точками – бодрые стрижи.

Справа – относительно трамвая – возвышалось серое длинное здание роддома, к которому и направились пассажиры трамвая – человек семь-восемь, не больше.

Слева, в полукилометровом отдалении, наблюдался полуразвалившийся деревянный забор грязно-синего цвета, за которым угадывалась бетонная приземистая коробка неизвестного долгостроя. В ту сторону следовала одинокая, невысокая и стройная фигурка.

Он достал зажигалку и, делая вид, что старается прикурить, а порывистый ветерок этому мешает, принялся наблюдать.

Девушка, отойдя от трамвая метров на сто пятьдесят, резко обернулась.

«Интересное дело, блин купчинский!», – старательно чиркая зажигалкой, засомневался Гришка. – «По всем внешним признакам и логическим построениям – это она и есть. То бишь, легкомысленная и развратная Матильда. Но... Не клеится, однако. Глаза, речь, ухватки, уверенные и выверенные движения... Что-то здесь не так. Или же – не то? Ну, никак не похожа эта симпатичная барышня – на безмозглую и циничную нимфетку... А на кого тогда похожа? На дикую пантеру из субтропических джунглей. Сильную, породистую, своевольную и непредсказуемую. Молоденькую, правда, неопытную, наглуую и наивную. Но, при этом, симпатичную и – до ужаса – миленькую... А, какие глаза? Серые, огромные, загадочные. Как глубокий омут – в сибирском Енисее. Впрочем, и у Севы – известной московской фотомодели – точно такие же глазищи, серые... К чему бы такие совпадения? Как принято говорить в современных дамских романах – фатальные?».

Пыльная дорога привела его к воротам, одна из створок которых лежала в широкой канаве, заполненной до краёв буро-чёрной водой.

«Обычное дело. То бишь, окончательный бардак и полный бедлам», – понимающе хмыкнул Гришка. – «Сюда бы господина Путина привести – на обзорную экскурсию. А то он в последнее время полюбил рассказывать – с телевизионного экрана – о том, что наша Россия вплотную приблизилась к европейским жизненным стандартам...».

Он осторожно выглянул из-за «действующей» створки ворот – девушка, как раз, заходила под неприметную бетонную арку, ведущую, скорее всего, во внутренний дворик долгостроя.

Гришка, оперативно и бесшумно преодолев примерно сто двадцать метров, затаился справа от арки, которая «работала» как мощный звукоусилитель – шаги девицы звучали неправдоподобно громко и отчётливо.

– Семён Семёнович! Ау! Я пришла, встречай! – жизнерадостно известил звонкий голосок.

Длинно и надсадно проскрипели дверные петли, после чего мужской фальцет посоветовал:

– Не стоит так громко кричать, звезда очей моих. Нам же с тобой, Матильдочка, огласка не нужна, верно?

– Не нужна, – покладисто подтвердила девчушка.

– Тогда, птичка моя изящная, заходи.

– Ну, не знаю, право...

– Изображаешь трепетное девичье смущение? – насмешливо предположил мужчина. – Цену себе набиваешь? Хочешь, чтобы тебя поугovarивали? Оно, если вдуматься, и правильно. Девственность – товар ценный, хотя и одноразовый... Хи-хи-хи!

Где-то рядом послышалось размеренное пыхтенье:

– Хы-хы-хы...

Антонов осторожно выглянул из-за бетонного ребра – в конце арки обнаружилась мускулистая собачья спина.

«Матёрая немецкая овчарка», – доставая из-за пояса пистолет и снимая его с предохранителя, опознал собаку Гришка. – «Отсекает барышне путь к отступлению. Похоже, что дело принимает серьёзный оборот...».

Опять заскрипело – тревожно и глумливо.

– Привет, бикса расписная! – известил хриплый басок, в котором – с лёгкостью – угадывались похотливо-сальные нотки. – Ножки у тебя – закачаешься. Не обманул Интернет...

– Значит, их несколько. Плюсом обученная здоровенная собака, – доставая из кармана бельгийский нож, пробормотал Григорий. – Всё в стиле гражданина Пегого.

– Смотрите-ка, ребята, а сумасбродная клиентка раздумала отдаваться. Более того, собирается оказать нам вооружённое сопротивление, – удивился фальцет. – Кастет у неё, газовый баллончик. Дура набитая. Счастья своего не понимает... Петенька, мальчик мой, пальни в капризную девицу – от греха подальше – усыпляющим зарядом...

Гришка, торопливо перекрестившись стволом пистолета, рванулся вперёд.

Собственно, он был неверующим, просто традиция такая существовала в диверсионном отряде ГРУ, где ему – в своё время – посчастливилось прослужить три с половиной года. Мол, прежде чем идти на решительный штурм объекта – перекрестись...

Выстрел, жалобный собачий визг.

– В сторону, Матильда! – прокричал Антонов. – Ложись!

Выстрел, второй. Патроны закончились.

Овчарка и два молодых широкоплечих облома вышли из игры. Рядом с неподвижным телом одного из здоровяков лежало короткоствольное ружьё – из таких, усыпляя диких животных, стреляют зоологи и прочие учёные мужи, изучающие братьев наших меньших. А в руках субтильного типа с густой шевелюрой обнаружился массивный чёрный пистолет.

«Визуально – израильский «Глок». А с предохранителя, дурик богемный, снять-то не успел», – мгновенно пронеслась в голове насмешливая мысль. – «И уже, гадом буду, не успеет...».

Вытянув руку с бельгийским ножом, Гришка несколько раз нажал на пусковую кнопку.

– Вжик! Вжик! Вжик! – послушно пропели лезвия-гвозди.

– А-а-а! – падая на землю и пряча лицо в ладонях, завопил самозванный Семён Семёнович. – А-а-а!

«Глок», естественно, при этом отлетел далеко в сторону.

«Бельгийский нож, ясный болгарский перец, хорошая штука», – подумалось. – «Но, к сожалению, не без недостатков. Его короткие лезвия, в частности, практически никогда не убивают. Даже если попадают неприятелю прямо в наглый глаз...».

Волосатый тип, отчаянно катаясь по внутреннему дворику, продолжал орать благим матом.

Антонов, распахав браунинг и бельгийский ножик по разным карманам, подошёл ближе, нагнулся, подобрал «Глок», снял его с предохранителя и, небрежно прицелившись, два раза выстрелил в так называемого Семёна Семёновича.

Волосатик, неуклюже подтянув колени к груди, замер.

– И зачем надо было его убивать? – невозмутимо поинтересовался девичий голосок, в котором не ощущалось даже тени испуга.

– Затем, – нагибаясь над мёртвым телом, ёмко ответил Гришка. – Привычка у меня такая... Ага, как и предполагалось – парик. Вот, господин Пегий, и свиделись.

Сзади послышался бодрый перестук.

Он обернулся и расстроено поморщился – кроме трупов во внутреннем дворике никого уже не было. Только в самом конце арочного коридора смутно угадывался силуэт бегущей девушки...

Глава вторая

Поздний вечер, ранняя ночь

– Халтура, – выслушав рассказ о ликвидации банды Пегого, подвёл жирную черту Шеф. – Причём, гнилая, пошлая и непростительная.

– Почему? – опешил Гришка.

– Ты, охламон неумелый, небось, рассчитывал на красивый и разлапистый орден?

– Зачем мне – орден? У меня их и без того в достатке. Собственные, боевые, заслуженные, легальные. Даже парочка иностранных имеется. А, вот, денежная премия, честное слово, не помешала бы. Типа – за качественно выполненную работу...

– За качественно выполненную?

– Ага.

– Наглец ты, Антонов, каких Белый свет не видывал, – неодобрительно вздохнул Шеф. – Косяков напорол, а после этого ещё и на деньги рассчитываешь. Права, всё-таки, Мариночка, раздолбай ты законченный, мечтательный и романтически-настроенный.

– Каких ещё косяков?

– Классических и косячных. Излагаю по порядку... Во-первых, унюхав Пегого, мне не позвонил. Ходить на такие скользкие дела в одиночку – мальчишество голоштанное. Во-вторых, дал уйти этой странной Матильде. В-третьих, не вошёл внутрь помещения и, соответственно, не осмотрел его... Почему, кстати?

– На трофейном «Глоке» не было глушителя, – принялся неуклюже оправдываться Григорий. – Следовательно, выстрелы могли услышать, а после этого вызвать полицию. Поэтому я, в полном соответствии с типовыми инструкциями, наскоро обыскал тела покойных и благо- разумно ретировался. А, в чём дело-то? Инструкции не нарушены...

– Не нарушены, – хмурым голосом подтвердил Шеф. – Только в банде Пегого, по сведениям московского Дозора, числилось четыре участника-фигуранта.

– Ну, и что из того? Четвёртый, скорее всего, приболел и не смог приехать в Питер. Дело насквозь житейское и объяснимое.

– Не «четвёртый», а «четвёртая». Речь идёт о постоянной подружке господина Пегого, которая по московскому досье проходит под знаковой кличкой – «Вампирша». Она участвовала во всех «акциях» банды, а также являлась режиссером и оператором всех порнофильмов, заснятых этими скотами. Более того, именно Вампирша, будучи дипломированным и опытным хирургом, лично извлекала у жертв органы и помещала их в специальные морозильные контейнеры... Понимаешь, Антонов? Вампирша, сто процентов из ста, была внутри долгостроя. А ты, красавчик лысый, её бездарно упустил.

– Виноват, – смущённо глядя в пол, покаялся Гришка. – Осознал и проникся. Постараюсь исправить сложившуюся ситуацию. В том плане, что подниму на ноги всех опытных агентов. Она не могла далеко уйти. Обложим голубушку «красными флажками», из кожи вылезем, но – отловим...

– Охотничек выискался, – презрительно ухмыльнулся Шеф. – Думаю, что всё будет наоборот. Это Вампирша будет охотиться. Причём, и на тебя, ухаля лысого, и на юную Матильду.

– Вы хотите сказать, что эта отморозенная тётка объявит вендетту? То есть, будет мстить за смерть гражданского мужа и верных подельников? Извините, но маловероятно. Маньяки, они живут сугубо сегодняшним днём. Прошлые их, гнид неприкаянных, практически не интересуют.

– Прекращай, Антонов, пороть чушь! Причём здесь – банальная месть? Что ты обнаружил в карманах у Пегого и прихватил с собой?

– Вот же, – Григорий небрежно ткнул пальцем в горку вещей, аккуратно сложенную на краю письменного стола. – Запасная обойма к «Глоку», мобильный телефон, носовой клетчатый платок не первой свежести, швейцарский перочинный ножик, связка ключей на не приметном брелке, пластиковая коробочка, в которой находятся три маленьких ключика и пять банковских карт...

– Достаточно! – прервал его Шеф. – Ключи от банковских ячеек, где, возможно, хранятся серьёзные материальные ценности, и банковские карты. Понимаешь? Ты, Антонов, стащил все семейные накопления Пегого и его гражданской супруги, оставив госпожу Вампиршу нищей. Думаешь, что она покорно смирится с этим неаппетитным фактом? Фигушки тебе, молодчик недальновидный! Эта упёртая тётенька костыми ляжет, но постарается вернуть похищенное... Ну, что скажешь?

– Допустим, что Вампирша наблюдала за внутренним двориком долгостроя из окошка, – задумался Гришка. – Пусть, даже и «срисовала» мою приметную внешность. В принципе, ничего страшного. Нацеплю дельный парик и – ради пушшего спокойствия – временно поселюсь у кого-нибудь из друзей. Или, к примеру, из подружек...

– А, как быть с девицей?

– С какой ещё девицей?

– С Матильдой.

– Она-то здесь причём?

– Притом, – недовольно поморщился Шеф. – Вампирша, наверняка, решила, что вы с Матильдой работали в паре. Искать тебя, стрелка меткого и безжалостного? Изначально гнилой и опасный вариант. Проще – сосредоточиться на девушке. Тем более что и чёткие следы остались. То бишь, регистрационные данные на закрытом сайте, адрес электронной почты, сведения о конкретном компьютере, с которого велась регулярная переписка, что-нибудь ещё... Допустим, что Матильда, не смотря на юный возраст, является барышней тёртой и осторожной. То есть, общалась с гражданином Пегим с компьютера, установленного в каком-либо пригородном Интернет-кафе. Но, к огромному сожалению, современные технологии позволяют – с лёгкостью – вычислить означенное кафе. Что называется, вопрос нескольких часов. Потом начнётся вдумчивая и кропотливая работа с обслуживающим персоналом данного заведения – на предмет элементарной наблюдательности... Так что, друг Гриня, придётся тебе озаботиться этим животрепещущим вопросом. Озадачь наших славных хакеров, они должны отыскать Матильду раньше, чем это сделает Вампирша. После этого – понятное дело, в парике и с приклеенными усами – выдвинешься на объект и устроишь там засаду. Задача? Во-первых, охранять девушку. Во-вторых, ликвидировать Вампиршу. Всё, надеюсь, ясно?

– Так точно!

– А, откуда взялась свежая пулевая отметина на твоём мужественном плече? Про перестрелку ты ничего не говорил.

– Это совсем по другому поводу, – беззаботно улыбнулся Гришка. – По дороге к роддому. Не успел доложить.

– Докладывай.

Антонов подробно рассказал о нестандартном происшествии в одном из купчинских скверов.

Закончив доклад, он мысленно удивился: – «А Шеф-то расстроился. Побледнел и даже слегка осунулся. Никогда не наблюдал его в таком взволнованно-пафосном состоянии. Куда, интересно, подевалась харизматическая уверенность и барственная вальяжность? На брутальной физиономии явственно читается слабовольная растерянность, перемешанная с неудовольствием и брезгливостью... С чего бы это, вдруг?».

Минуты три-четыре сосредоточенно покатав по скулам каменные желваки, руководитель питерского Дозора выдал:

– А ещё всякие безмозглые козлы уверяют, что, мол, пиво – вредный, противный и бесполезный напиток. Уроды гребаные! Верно, Гриня?

– Ик, – от неожиданности нервно икнул Гришка. – Верно...

– Если бы не пиво, ты бы свернул в этот сквер?

– Нет, ясен пень.

– Значит, и разговора между Севой и Бесом не услышал бы?

– Конечно...

– Качественного и вонючего дерьма полная скворечня! – рассерженным уссурийским тигром взревел Шеф. – Жили бы себе спокойно, горя и бед не ведая. Занимались бы – с чувством, толком и расстановкой – разными маньяками, живоглотами и педофилами. А, теперь? Такая бешенная карусель завертится – мама не горюй. Запросто можно будет и умом тронуться... Всё пиво это пенное, мать того, кто его придумал. Эх, Антонов, Антонов! Может, тебе стоит перейти на безвредную минеральную воду?

– Извините, но ничего не получится, – соорбил скорбно-загадочную физиономию Григорий. – Природные особенности организма, так сказать. Плюс – профессиональные железобетонные принципы.

– О чём это ты, затейник?

– Рассказываю тематический и актуальный анекдот. Вопрос: – «Что пьют российские «грушники»?». Ответ: – «Всё, кроме керосина и воды. На крайний случай – керосин. А вода полностью исключается...».

– Гы-гы-гы! – племенным жеребцом в самом соку заржал Шеф, после чего резко помрачнел и известил: – Дурак ты, Антонов. И шутки у тебя, лавочки занозистые, аналогичные... Ты хоть знаешь, кем был покойный Виктор Степанович Логинов, и чем он занимался?

– Ну, академиком. Что-то там, кажется, по медицинской части...

– Ну – баранки усердно и умело гну. Виктор Степанович являлся известным нейрофизиологом, причём, с мировым именем. Более, чем известным. Усёк, дурилка?

– Нейро...э-э-э, – отчаянно лохматя остатки волос на затылке, засомневался Гришка. – Не в курсе, честное слово.

– Понятное дело, кто бы сомневался. Темнота, она и есть темнота. Тем более, если интеллект отравлен регулярно-плановыми пивными возлияниями... Изучением человеческого мозга занимался заслуженный академик. А последние десять-двенадцать лет он плодотворно работал над созданием так называемого «Аппарата Дистанционного Внушения». Сокращённо – АДВ.

– Что это за зверь такой?

– Зверь, это точно, – согласился Шеф. – Излагаю некоторые результаты опытов Логинова, которые были опубликованы в общедоступных научных журналах... Аппарат испускал невидимый луч, который достигал головы подопытного кролика. Между кроликом и АДВ устанавливалась связь непонятной природы. После этого – по лучу – в мозг животного начинала «скачиваться» некая информация, закодированная определённым образом. Например, мелькала непрерывная череда картинок с изображением морковки. Потом аппарат выключали. И, что же? Кролик, после описанного сеанса, ел только морковь, а к другой пище даже и близко не подходил – шарахался в сторону и убегал прочь со всех лап...

– А, если морковки не было?

– Кролик умирал от истощения.

– Круть замороченная и крутая, – одобрил Гришка и сразу же предположил: – Мудрые спецслужбы, муниципальным депутатом буду, не могли пройти мимо такого потрясающего и неадекватного открытия. Опасность, что называется, налицо. Например, луч, выпущенный

из АДВ, касается головы знакового мультимиллиардера, после чего «следует» чёткая и краткая команда, мол: – «Акции, облигации, векселя и иные материальные активы продать. Все вырученные деньги обналичить и сложить в неприметные чемоданы. Чемоданы доставить на заброшенный пустырь, расположенный за развалинами обувной фабрики. Всё сделать лично, не привлекая посторонних лиц...».

– Помимо мультимиллиардеров на свете существуют сенаторы, губернаторы, прокуроры, продюсеры, генералы и президенты, – подхватил Шеф. – Простор для деятельности – воистину – безграничный. Особенно, если АДВ (естественно, его доработанный на сто процентов вариант), оказался бы в руках человека, обладающего буйной и яркой фантазией... Да, Антонов, ты не так и безнадежен. Кое в чём, надо признать, разбираешься. Многие спецслужбы, действительно, заинтересовались исследованиями Виктора Степановича... Здесь чёткая информация обрывается, и начинаются сплошные мутные слухи. Одни уважаемые деятели утверждают, что деятельность академика Логинова курировало российское ФСБ, а американское ЦРУ целенаправленно строило разнообразные и изощрённые козни. Другие уверяют, что дело обстояло с точностью наоборот. Третьи подозревают, что без английской МИ-6 здесь не обошлось... Удалось ли Логинову доработать АДВ? Проводились ли плановые опыты над людьми? Кто был организатором убийства академика? Куда потом подевались его научные архивы? На эти вопросы у меня, к сожалению, нет ответов. Могу сказать одно. Наш Дозор – с высокой степенью вероятности – ввязался в редкостное и вязкое дерьмо.

– Может, сделаем вид, что... То есть, позабудем о нечаянно-подслушанном разговоре?

– Не получится, мальчик. Лично мне совесть не позволит – отскочить в сторону и, уподобляясь безмозглому страусу, спрятать голову в песок. Мол, не при делах... Всё очень и очень серьёзно. Надо – в обязательном порядке – вмешиваться. Короче говоря, мы – в Игре, и другого пути нет.

– Какие у этой Игры – конечные цели и задачи? – непонимающе сдвинув брови, уточнил Антонов.

– Наипростейшие. Найти архивы покойного академика Логинова и уничтожить их. Чисто на всякий пожарный случай. Чтобы они не попали в гадкие и бесстыжие руки. В том плане, что в любые руки...

– То бишь, найти за неделю? Пока Сева и Бес не осуществили намеченную сделку?

– Я думаю, что времени у нас будет больше.

– Почему – больше?

– Из-за дурацкой купчинской перестрелки, – скупно улыбнулся Шеф. – Скорее всего, такси с Севериной отъехало от сквера уже после начала стрельбы-погони. То есть, осторожная госпожа Никонова-Логинова, в гости по утрам не ходи, это заметила и, естественно, насторожится. Да и у второй стороны, наверняка, возникнут серьёзные сомнения-подозрения. Мол, вдруг, неизвестный меткий стрелок как-то связан с московской фотомodelью? Мол, гнилой подставой пахнет. Короче говоря, переговоры у ребятишек, благодаря стойкому взаимному недоверию, могут слегка затянуться... Это, естественно, нам на руку. Всех лучших «дозорских» специалистов мобилизуем и подключим к поискам. Сделаем предложение о взаимовыгодном сотрудничестве неким... э-э-э, параллельно-перпендикулярным структурам.

– Каким ещё – в одно известное место – структурам? – насторожился Гришка.

– Каким надо. Молод ты ещё, Антонов, вопросы мне задавать, – Шеф выбрался из уютного антикварного кресла и, звякнув ключами, закреплёнными на брелке с логотипом «Зенита», велел: – Сиди здесь и жди. Я быстро. Можешь глотнуть что-нибудь из бара. Только, прошу, не увлекайся. Меру, обалдуй, знай.

– А вы куда?

– Привезу тебе напарника. Вернее, напарницу.

– Зачем? Не надо. Я привык работать один...

– Надо, Гриня. Надо... Намечаются серьёзные дела. И архивы академика, и Вампирша. Так что, сам должен понимать.

– Что понимать-то?

– Объективную и субъективную действительность, данную нам в реальных ощущениях. Мол, боевые навыки – дело, безусловно, хорошее и полезное. Но, если к этим навыкам ещё и светлые мозги приложить, то будет ещё лучше. Типа – для пользы дела... У тебя, раздолбай, как с аналитическими способностями-наклонностями?

– Чуть ниже среднего, – печально вздохнув, сознался Гришка.

– На права по вождению автомобиля так и не сдал?

– Нет. Не моё.

– Вот, видишь. Поэтому сиди и жди. Я, Бог даст, скоро вернусь...

Хлопнула входная дверь, в замке тихонько и таинственно проскрежетал ключ.

Гришка снял куртку и, оглядев прореху на правом плече, расстроено пропыхтел:

– Вот же, морды бесстыжие и хамоватые. Испортили, понимаешь, хорошую вещь. От крови теперь отстирывай, дырку штопай. Ладно, чай, не граф. Не переломлюсь...

Бросив куртку на диван, он занялся своим любимым делом, то есть, отправился – в очередной раз – по квартире Шефа с неторопливой обзорной экскурсией.

Иван Петрович (или, всё же, Николай Борисович?), занимался достаточно необычным и симпатичным бизнесом. Долгие годы он провёл на Востоке – во всяких экзотических и туманных странах, где обзавёлся целой кучей верных друзей. Вот, эти друзья-приятели и пересылали регулярно в Питер – со всевозможными оказиями – разнообразные антикварные безделушки: каменные женские скульптурки, деревянных Божков, натюрморты и пейзажи, фарфоровые кувшины, покрытые разлапистыми чёрными иероглифами, серебряную посуду, ну, и так далее... Что друзья получали взамен? Наверное, что-то получали. Но Антонов про это ничего не знал... Шеф же продавал (по бешеным ценам, естественно), полученные восточные раритеты питерским богатым коллекционерам. Из серии: – «Мало ли на свете щедрых чудаков?». А, как известно, торговля антикварными штуковинами – дело серьёзное и почётное, не терпящее спешки. Какие-то вещицы продавались в течение месяца, другие же ждали своей очереди годами...

Как бы там ни было, но Гришка обожал бродить-слоняться по квартире Шефа. Здесь, право, было на что посмотреть. Из серии: – «И мир опять предстанет странным, закутанным в цветной туман...».

«Хорошее место. Спокойное такое, наполненное – до самых краёв – позитивной энергией», – лениво бродя между высокими стеллажами, заставленными всякой симпатичной разностью, подумал Антонов. – «Ходишь, рассматриваешь, обнюхиваешь. И – словно бы – Душой молодеешь...».

Минут через двадцать пять он, всё же, добрался до кухни. Обойдя длинный обеденный стол, подошёл к проёму между двумя старинными сервантами и нажал на крохотную чёрную кнопку, встроенную в некрашеную бетонную стену.

Часть стены (выше кнопки) – плавно и совершенно бесшумно – «отошла» за один из сервантов. В образовавшейся нише обнаружился просторный бар, плотно заставленный разнокалиберными разноцветными бутылками.

– Те же далёкие и верные друзья, ясная алкогольная лавочка, подсустились, – понятно хмыкнул Гришка. – Сплошная, блин, экзотика. Японское sake, вьетнамские водки со змеями в бутылках, китайские и малазийские вина, индийские фруктовые наливки-настойки... Да, выбор, что называется, сугубо на любителя. Не тянет как-то. По крайней мере, сегодня... Так, а что у нас имеется в холодильнике?

Наскоро проведя ревизию холодильника, Григорий возликовал:

– Чудо чудное! Радость невероятная! Я про этот дивный вариант только в Интернете читал. Австралийское пиво – крепостью двенадцать с половиной градусов. Фантастика! Ай, да Шеф! Уважил, морда начальственная... Так, две литровых банки. Буду честен. То бишь, попытаюсь – по-честному – удовлетвориться одной. Если, конечно, получится.

Он вышел на балкон шестнадцатого этажа – навстречу с таинственными и прекрасными ночным пейзажам Автово.

– Белые ночи уже практически заканчиваются, – вскрывая банку, констатировал Гришка. – Только полночь миновала, а уже достаточно темно. Бежит времечко. Бежит, родимое. Диалектика долбанная... Кажется, что совсем недавно праздновали День Победы, а уже лето вплотную приблизилось к своему экватору...

Пиво оказалось забористым, терпким и очень ароматным.

С удовольствием отдавая должное любимому напитку, Антонов размышлял: – «Какой странный день! Встретил двух симпатичных сероглазых девушек. Вернее, одну светленькую девушку и одну рыжеволосую вдовушку... А сердечко – оба раза – вздрогнуло и забилось учащённо, как в далёкой юности. Такого со мной уже лет десять-двенадцать не случилось... К чему бы – такой неожиданный казус? Может, старею? Назревает ещё один животрепещущий и закономерный вопрос... А с какой из означенных барышень... м-м-м... Ну, в плане налаживания отношений? Серьёзных, понятное дело... Хотя, о чём это я? Кому, спрашивается, нужен пожилой лысый неудачник? Никому, пенёк дубовый. Да, одно расстройство с этим слабым и очаровательным полом... Чёрт, ресницы – сами собой – слипаются. День, как не крути, выдался трудным...».

Время шло, а Шеф всё не появлялся.

Гришка допил австралийское пиво, ещё минут пять-семь честно поборолся со сном, после чего сдался – прошёл в кабинет главы питерского Дозора, устроился на диванчике, укрывая дырявой курткой и мгновенно уснул.

Что, вернее, кто ему снился? Догадаться нетрудно – Матильда и Сева. Поочерёдно, ясная июльская зорька...

Почему она убежала? Потому, что не любила непонятки... Кто этот лысый тип, за неполную минуту убивший трёх мужиков и одну немецкую овчарку? Друг? То есть, сотрудник легендарного Дозора? Или, наоборот, отмороженный маньяк, только что жестоко устранивший конкурентов?

«Не буду, пожалуй, проявлять излишнего любопытства», – срываясь с места, решила Юлька. – «Ещё бабушка-покойница учила, что, мол, лезть в чужие дела – очень невежливо и чревато... Опять же, кроссовки на ногах. А они, как известно, для того и придуманы, чтобы быстро бегать... Что делать, если лысый дяденька бросится в погоню? Не бросится. Ему же ещё мертвецов надо обыскать. Диалектика...».

Она за считанные минуты добежала до ближайшей асфальтовой дороги, тут же поймала частника и, плюхнувшись на сиденье, попросила:

– Д-до метро. П-пожалуйста. П-побыстрее...

Автомобиль остановился, не доехав метров семь-восемь до серой бетонной тумбы, на которой сидел, свесив ноги вниз, давешний бородатенький очкарик – любитель поэзии. Рядом с тумбой стоял высокий деревянный ящик, на котором располагалась чёрная широкополая шляпа.

Рассчитавшись с водителем, девушка выбрался из машины.

– Это ещё что такое? – раздалось рядом. – Ну-ка, красавица, предъяви документы!

Она обернулась – в двух метрах обнаружилась парочка полицейских с сержантскими погонами на плечах.

– Это вы мне? – презрительно скривилась Юлька. – В чём дело? Мода такая – приставать к законопослушным девушкам?

– Законопослушные девушки кастетами не пользуются, – логично возразил один из сержантов, тот, что повыше. – Будем, однако, разбираться...

Очкарик, сидевший на бетонной тумбе, несколько раз громко кашлянул.

«Да, с кастетом-то я знатно опростоволосилась, забыла – в спешке – снять с руки», – мысленно повинилась Юлька, а вслух образцово-показательно удивилась:

– Какой ещё кастет? О чём вы толкуете, господа полицейские? Это браслетик такой. Типа – парижская дизайнерская разработка. Последний писк европейской моды и всё такое... Не верите? А вы у поэта спросите, – указала пальцем на бородатого юнца. – Он не даст соврать.

– Твоя деваха, Палыч? – уважительно спросил высокий сержант.

– Моя, – невозмутимо подтвердил очкарик. – Практически невеста.

– Тогда, друг, извиняй. Не знали... Ну, мы пошли. Дела.

– Ты это, Палыч, – замялся низенький полицейский. – Объяснил бы своей сердечной зазнобе – что, да как. Мол, Купчино – это вам не Париж занюханный. Ладно, всех благ...

Полицейские ушли.

– Спасибо за помощь, – вежливо поблагодарила девушка. – Выручил.

– Всегда – пожалуйста. Обращайся.

– Меня, кстати, Юлькой зовут. А тебя?

– Ты же знаешь, – усмехнулся молодой человек. – Поэтом. Это моё прозвище. И тутошнее, и тамошнее... Залезай, поболтаем. Лясы поточим. Только ящик переставь на другую сторону – относительно меня.

– Зачем – переставить? – удивилась Юлька.

– Затем, – Поэт слегка, с видимым трудом, приподнял левую руку, кисть которой была затянута в тугую чёрную перчатку.

– Ой, извини! Я и не заметила.

Девушка, переставив ящик на несколько метров в сторону, забралась на него. В чёрной широкополой шляпе обнаружилась пригоршня монет и несколько мятых купюр.

– Сперва копилку мне передай, – попросил очкарик. – Заодно и дневную выручку посчитаем.

– Копилку? А, поняла... Держи.

– Спасибо. Давай руку.

Вокруг безраздельно властвовал тихий летний вечер. Солнечный малиновый диск наполовину спрятался за крышей ближайшей высотки. Поток людей, выходящих из метро, преобразовался в тоненькую струйку. В воздухе явственно чувствовалось дыхание приближающейся ночи.

– Четыреста пятьдесят три рубля, – старательно пересчитав деньги, извлечённые из шляпы, сообщила Юлька. – Это много или мало?

– Нормально. Бывает и гораздо меньше. Особенно, когда дождик моросит весь день.

– И часто ты... э-э-э, занимаешься этим делом?

– Когда как. В зависимости от настроения и необходимости.

– А, почему тебя местные полицейские уважают? За что? Если, конечно, не секрет?

– Являюсь местной достопримечательностью, – невесело усмехнулся Поэт. – Причём, насквозь легендарной.

– Расскажешь?

– Почему бы и нет? Слушай... Я местный, купчинский. Окончил школу, поступил в Университет – на программиста. С малолетства увлекался этим делом, даже принимал участие в «Чемпионате мира по программированию среди школьников». Второе место занял. Так что, в Университете мне было безумно скучно. На первом курсе никаким программированием и

не пахло, только всякую бестолковую лабуду изучали, с которой я ещё в восьмом классе ознакомился.... Короче говоря, стал регулярно прогуливать занятия. Через полгода отчислили, а потом, по поздней весне, и в армию забрали. Отслужил, понятное дело. Даже лычки старшего сержанта получил.... Демобилизовался во второй декаде сентября, пошёл восстанавливаться в Университет. Ничего не получилось, мол: – «Опоздали вы, молодой человек. Приходите в первых числах июня следующего года...». Всю осень, зиму и весну – дурака валять? Не, предки не поняли бы.... Устроился в ментовку, в Пятнадцатое отделение, благо живу рядом. Работа, как работа. Патрулируй себе район, задерживай местных и пришлых гопников. Я и здесь частенько дежурил, поэтому и со многими теперешними полицейскими знаком лично.... А в самом начале марта месяца – в составе питерского Сводного отряда – отправили меня в Дагестан, на борьбу со всякими экстремистами и террористами. Военная автомобильная колонна следовала по извилистой горной дороге. Кто-то – из-за ближайшей гряды – пальнул из армейского миномёта. Шальная мина попала прямо в наш «Урал». Девять трупов и один тяжелораненый. То бишь, я.... Отправили в армейский госпиталь. Один осколок угодил в голову. Со зрением образовались серьёзные неполадки, теперь, вот, очки ношу. Левую руку – выше локтя – ампутировали. Хорошо, что не правую.... Ничего, оклемался. Протез приладили. Правда, дерьмовый, отечественный. Бывает.

– Почему хорошо – что не правую? – уточнила дотошная Юлька.

– Инвалидов, получивших увечья во время активных боевых действий, российское Правительство обеспечивает бесплатными специализированными машинами. Только – при этом – наблюдается странная дискриминация. Бойцы, потерявшие левую руку, считаются пригодными для вождения автомобиля. А лишившиеся правой – нет. Чиновничьи мутные игрища, не иначе. Ничего не попишешь...

– Тебе-то выделили?

– А, то! Вон – моя «Ласточка» стоит. В смысле, светло-бежевый «Жигуль». Уже сорок пять тысяч километров на нём наездил.

– Молодец, конечно.... А ты живёшь...м-м-м, только с поэтических гонораров?

– Не получается – с гонораров, – неожиданно засмутился очкарик. – Ещё в одном месте подрабатываю. По старой специальности. То есть, программистом.

Они ещё долго сидели на бетонной тумбе и увлечённо болтали. О классической поэзии и о рок-музыке, о современных российских реалиях и о смысле жизни...

Постепенно вокруг стемнело. Зажглись тусклые уличные фонари.

– Ой, уже без четверти двенадцать! – опомнилась Юлька. – Мне же ещё пересаживаться надо на «Техноложке». Могу не успеть.

– Куда тебе ехать-то?

– К «Лесной». Рядом с Кантемировским мостом.

– Хочешь, довезу? – предложил новый знакомый.

– Довези...

Светло-бежевый «Жигуль» неторопливо катил по ночным городским улицам.

Юлька, слегка улыбаясь, задумчиво молчала. А Поэт, ловко управляясь с автомобильной баранкой одной рукой, негромко напевал:

Сиреневый закат.

И розовый рассвет.

А в перерыве – ночь – сплошной ультрамарин...

Ты – снова – не пришла.

А я позвать – забыл.

И Ангел наш небесный,

Он – мимо пролетел...

Вновь – Мировое Зло?
Иль – глупости полёт?
Не встретиться никак, уж, множество веков...
Быть может, мы живём
На перепутье снов?
Иль – множества Миров?
Что параллельны все?

И Ангел наш устал.
Налью бокал – ему...
Пожалуйста, найди, крылатая паскуда.
И Ангел – выпил вновь.
Сейчас – он тихо спит.
Как верный Шарик,
Про ментов – из фильма...

Века – опять – текут,
Как яблочный сироп.
Но встреча, безусловно, состоится...
Мы встретимся,
И Ангел – вновь – проспится
Среди чудесных снов
И призрачных – веков...

А за окном – пурга,
А, может, лишь – метель.
И смятая постель – как снег – белым бела...
Ответь мне. А, зачем – живёшь ты без меня?
Ответь мне. А, зачем – я без тебя живу?

Сиреневый закат.
И розовый рассвет.
А в перерыве – ночь – сплошной ультрамарин...
Ты – снова – не пришла.
А я позвать – забыл.
И Ангел тихий наш
Вновь мимо пролетел...

Глава третья

Сова

Тихо проскрипел ключ в дверном замке. Тихо-тихо, тревожно, загадочно и многообещающе.

Гришка резко, отбрасывая в сторону многострадальную курточку, вскочил на ноги.

– Отставить! – долетел из прихожей знакомый мужественный голос. – Свои. Попрошу не палить – почём зря...

Послышались звуки снимаемой обуви, секунд через десять в кабинет вошли двое – Шеф и...некое существо.

«Скорее всего – женщина», – подумал Антонов. – «Хотя... Хотя, чёрт его знает! Среднего роста, морщинистое лицо, узкие покатые плечи, седой колючий «ёжик» на круглой голове, грубая арестантская роба, дурацкие чёрные ботинки, глаза... Мёртвые, водянистые и смертельно-равнодушные глаза...».

– Доброго утра, Гриня! – вежливо поздоровался Шеф.

– И вам того же, дамы и господа.

– Я пошла в ванную, – расстегивая пуговицы на робе, сообщила глубоким, чуть-чуть хриловатым голосом незнакомая женщина. – Надеюсь, горячая вода есть? Уже года три с половиной, как с ней не встречалась. Приходилось мыться холодной, или же только слегка тёпленькой...

Сухо щёлкнула дверная задвижка.

– Почему так долго? – спросил Григорий.

– В Металлострой ездил, – устало присаживаясь на край дивана, пояснил Шеф. – За твоей напарницей. Обещали отдать-выпустить в любое время. Обманули, как и всегда. Пришлось ждать до восьми утра. То бишь, до появления на работе Начальника зоны. Российская реальность, данная нам помимо объективных и субъективных ощущений... Эй, боров наглый и нахрапистый! Ты, никак, курить собрался? Пошли-ка на балкон! Пепельницу прихвати с собой.

Было уже без пятнадцати одиннадцать. Яркое-жёлтое солнышко припекало совершенно не по-утреннему.

– Жарко сегодня будет, – предположил Шеф. – Может убежать и за тридцать градусов.

– Запросто, – прикуривая, согласился Гришка. – Ну, что расскажете о новоявленной напарнице?

– Не нукай, не запряг.

– А, всё же?

– Расскажу, конечно. Вообще-то, её зовут – Ольгой Николаевной. Вернее, звали когда-то давно, в прошлой жизни. Сейчас она откликается сугубо на кличку – «Сова», полученную на зоне.

– Никогда – досель – не имел никаких дел с уголовницами. Впрочем, как и с уголовниками.

– Ольга не уголовница.

– Как известно, дыма без огня не бывает...

– Глупости говоришь, боец! – рассердился Шеф. – Сова не имеет никакого отношения к преступному миру. Она, наоборот, работала следователем по особо важным делам. Считалась – в своё время – лучшим работником Главка, имеющим всего один серьёзный недостаток. Речь идёт о неуёмной принципиальности и хронической бескомпромиссности.

– Понятное и знакомое дело, – жадно затягиваясь табачным дымком, прокомментировал Григорий. – Небось, однажды принялась копать под собственное руководство?

– Угадал, бродяга. Всё так и было. Тамошний Городской прокурор был большой, матёрой и бесконечно-жадной сукой. За бешеные деньги закрывал уголовные дела, занимался наглой подменой улик и фальсификацией протоколов осмотров мест происшествий, заставлял менять свидетельские показания, ну, и так далее.... Причём, скотина законченная, даже и не скрывал этого. В том плане, что жил на широкую ногу, ни в чём себе, любимому, не отказывая. Дорогущие иномарки менял как перчатки. Шикарная пятикомнатная квартира в центре города. Загородный трёхэтажный дом – полная чаша, забитая дорогущим антиквариатом. Ещё один домик (типа – охотничий), в австрийских предгорьях Альп. Перечень материальных ценностей, впрочем, можно продолжать и продолжать.... Итак, однажды наша прекраснотушная и принципиальная Сова решила вывести Городского прокурора на чистую воду. Но, как говорится, не тут-то было. Не по зубам этот орех Ольге Николаевне оказался...

– Деньги подбросили?

– Молодец, сообразительный, – в очередной раз похвалил Шеф. – Дело было так. У Совы есть один маленький бзик – она обожает сушки. Да-да, самые обыкновенные русские сушки, обсыпанные зёрнами мака или меленькими кристалликами соли. Грызёт их везде, всегда и всюду. Друзья ей в зону сушки ящиками пересылали.... Так вот. Как-то вечером Ольга покончила с последней сушкой, полиэтиленовый пакет выбросила в корзинку для мусора, заперла служебные бумаги в сейф и утопала домой. Утром, понятное дело, пришла на работу и занялась текущими делами, которых у любого приличного следователя – как блох у дворового Бобика. А минут через двадцать-тридцать в её кабинет ворвалась целая свора оперативников из Службы собственной безопасности и давай – с пеной на губах – разыгрывать спектакль. Мол: – «Предъявите деньги и ценности, имеющиеся при себе! Только потёртый кошелек с двумя пятисотками? Не смешите, пожалуйста. А, что находится в левом нижнем ящике вашего письменного стола? Ага, денежки, сложенные в полиэтиленовый пакет из-под сушек. Причём, в иностранной валюте.... В инфракрасных лучах чётко проступает слово: – «Взятка». Видите? На пакете же, наверняка, имеются чёткие отпечатки пальчиков. Вот, кстати, заранее составленный перечень с номерами купюр. Сейчас сверим и внесём в протокол.... А это – заявление от Ничипурука А.С., уважаемого бизнесмена. Вышеозначенный российский гражданин утверждает, что Иванова О.Н. – следователь по особо важным делам – вымогала у него финансовые денежные средства в размере десять тысяч долларов США. За закрытие надуманного уголовного дела, ясная табачная лавочка...». Естественно, Ольгу арестовали, оперативно осудили и посадили. На двенадцать лет.

– Получается, что Сову осудили именно за то, в чём она обвиняла Городского прокурора? – уточнил Гришка. – Элегантно, надо признать.... И сколько лет – по факту – она отсидела?

– Почти восемь.

– А будет ли экс-следователь по особо важным делам сотрудничать с нашим Дозором?

– Однозначно будет. Иначе я не стал бы тратить столько времени и сил на её условно-досрочное освобождение. Запомни, Антонов, у Ольги – светлая голова. То бишь, голова с аналитическим складом ума. А ещё она в практической психологии рубит – дай Бог каждому.... Ладно, туши окурок. Возвращаемся.

Вскоре в кабинете появилась Сова – бодрая, помолодевшая, даже морщин на раскрасневшемся лице, такое впечатление, стало гораздо меньше.

– Спасибо огромное, – кротко и мило улыбнувшись, поблагодарила женщина. – Как будто заново родилась. Только, вот.... Как быть с приличной одеждой, нижним бельём и обувкой? С косметикой, в конце-то концов? Надоело чушкой замызганной ощущать себя.

– Вот, купишь всё необходимое, – Шеф выложил на письменный стол пухлый бумажник. – Тут на пятерых модниц хватит.... Это – ключи от дежурной квартиры на Краснопутиловской улице. Ты там бывал, Гриня?

– Довелось пару раз. Так что, адрес помню.

– Койки – в разных комнатах – имеются. Чистые простыни и пододеяльники найдёте в шкафу. Холодильник заготовите необходимыми продуктами.... Это, Антонов, список людей (с номерами мобильных телефонов), которые подтвердят, что весь вчерашний день ты провёл на даче у приятеля, в посёлке Токсово. Так, чисто на всякий случай. Типа – бережёного Бог бережёт.... Что ещё?

– Колёса, – напомнила Сова.

– Ах, да. Голова садовая.... Вот, доверенность, временные права, техпаспорт и ключи от машины. Скромная серая «Шкода» стоит внизу, справа от подъезда. Ты, Оля, водить-то не разучилась?

– Скажешь тоже! – возмущённо фыркнула женщина. – Прямо сейчас готова выиграть Гран-при в Монако.

– Охотно верю, – улыбнулся Шеф. – Излагаю краткую диспозицию на сегодняшний день. Сейчас следуете в Купчино, где Антонов заберёт из квартиры нужные вещи, ноутбук и прочее. Потом решаете вопрос с достойной экипировкой Ольги Николаевны...

– Совы, – недовольным голосом поправила женщина.

– Хорошо. Оперативно решаете вопрос с экипировкой Совы и перемещаетесь на Краснопутиловскую. Там бросаете вещи и переодеваетесь. Ты, Гриня, слегка гримируешься.... Следующая точка – наш компьютерный офис. Работаете с хакерами и вычисляете личность и место жительства вчерашней Матильды. После этого выдвигаетесь на адрес и организовываете действительную охрану девицы. Оптимальный вариант – переместить Матильду на Краснопутиловскую, а в её квартире оставить засаду. Для этого важного дела разрешаю привлечь пару-тройку опытных боевиков. Если что, то свяжусь с вами по мобильной связи.

– Что – если что? – спросил Гришка.

– Если вы, охламоны, срочно понадобится по делу архивов покойного академика.... Надеюсь, вопросов больше нет? Тогда выметайтесь, родимые. Удачи на охоте!

Стиль вождения Совы оказался на удивление агрессивным – серенькая «Шкода», не ведая и тени сомнений, по-наглому обгоняла, смещаясь из ряда в ряд, «Мерседесы», БМВ, «Форды» и прочие автомобили престижных марок.

– Не слишком ли мы спешим? – не удержался от вопроса Антонов. – Ещё «гаишники», не дай Бог, остановят. А у лихого водителя даже паспорта нет, только справка об условно-досрочном освобождении. Причём, датированная сегодняшним днём...

– Прекращай ворчать, Гриня, – легкомысленно хохотнула нежданная напарница. – Тебе, красавчик лысый, это совершенно не идёт.

– Временно лысый, – отпарировал Гришка. – У меня дома имеется приличная коллекция париков. Специально – вам назло – выберу самый пышный и одиозный. Чтобы все встречные молоденькие вертихвостки оборачивались и медленно цепенели – от похотливого восторга.

– Заканчивай «выкаты». Чай, не интеллигент вшивый.... Петрович говорил, что ты в ГРУ оттрубил несколько лет?

– Было дело под Полтавой. Не буду отрицать.

– В каком звании вышел в отставку?

– В майорском.

– Не плохо, – одобрила Сова. – Значит, коллеги. Я – до посадки и лишения звания – имела аналогичный статус. То бишь, числилась – «майором юстиции».... Почему, Гриня, автомобиль не водишь? Говорят, что даже прав нет? Странно, согласишься, для почти сорокалетнего

мужика, тем более заслуженного «грушника», обременённого целым букетом серьёзных орденов... Может, какие-либо... м-м-м, природные недостатки имеют место быть? Не обижайся, пожалуйста. Это я спрашиваю сугубо для пользы дела. Мол, между полноценными напарниками не должно быть пошлых недомолвок...

– Не должно, – согласился Антонов. – Причём, никаких. Если, конечно, эти напарники не являются законченными мудаками и мудачками... Всё очень просто, между нами девочками говоря. Очень много лет тому назад я записался в местную «Автомобильную школу». Изучал всякую техническую мудотень, даже пару толстых тетрадок ею исписал. Типа – карданный вал, амортизаторы, тормозные колодки, правила чистки инжектора... А потом, когда сел за учёбный руль, то сразу же смекнул: – «Не моё...». Внутренний голос шепнул. Мол, едешь, вертишь баранку, смотришь по сторонам и понимаешь: сплошные наглые козлы едут с тобой рядом. Подрезают – по первому тычку. На любой пробке – объезжают по обочине, а потом надсадно и надоедливо гудят, пытаясь вписаться в общий поток. Типа – все законопослушные водители должны этих хамов бояться, уважать и дорогу им уступать... Хрень охренительная! Мочить надо таких уродов, забыв про все правила и законы. Грязные суки бандитско-депутатской направленности! И понял я тогда – не моё это дело. Не моё – машины водить. По крайней мере, в России-матушке. Точно – рано или поздно – пришибу кого-нибудь. Гадом буду, пришибу. Посадят, понятное дело... Ну, и не стал сдавать на права. О чём, собственно, и не жалею.

– Внутренний голос подсказал?

– Он самый... Не, я без балды! Так оно всё и было...

– Не напрягайся, напарник. Верю, – понимающе хмыкнула Сова. – Почему бы и не поверить симпатичному юноше? Тем более – отставному и орденосному «грушному» майору? Между нами девочками говоря... Наличие внутреннего голоса уже – само по себе – о многом говорит. Следовательно, Гриня, ты – не краснозадая мартышка из тропических джунглей. Уже радостно. Оптимистичное настроение так и навеивает... Кстати, а каким ветром тебя занесло в Дозор?

– Обыкновенным, осенним, дождливым, тюремным... Года три с половиной тому назад наш «Зенит» играл со «Спартаком». С московским, ясен пень. Наши выиграли – два ноль. Фаеры, вопли, пластиковые стулья, выдранные с корнем и летящие во все стороны. Гуляй – Душа... Ну, как и полагается, подрались немного со спартаковскими болельщиками. Менты налетели, повязали, отвезли в ближайший СИЗО. Сидим, ждём, особенно не переживаем, мол: – «Административная ответственность, не более того. Штрафами копеечными отделаемся...». Но, не тут-то было... Привели меня на допрос. В кабинете сидел полковник – мордатый такой, матёрый, с характерным «ленинским» прищуром. Я слегка насторожился: – «Чего это, вдруг, такой высокий чин решил лично заняться ерундовым делом? С каких таких подгоревших пирожков?». Правильно, как выяснилось чуть позже, насторожился... Полковник мне начал втулять, мол, во время недавней драки одному из «спартачей» кто-то – отрезком железной трубы – подло проломил голову, после чего бедняга и помер. Более того, существует чёткая и однозначная уверенность, что этот «кто-то» – именно я... Доказательства? Будут и доказательства, и чёткие отпечатки пальчиков на трубе, и многочисленные свидетельские показания... Не трать времени на пустые споры и препирания, интересуюсь: – «Что надо-то, дяденька? Рассказывай, родное сердце. Не ходи вокруг да около...». Такой деловой подход полковнику, безусловно, понравился. Поставил он (в обмен на свободу), передо мной не хитрую задачу. Мол, меня переведут в другую камеру, где сидят задержанные личности, подозреваемые в причастности к Дозору. Надо втереться к ним в доверие, разговорить, прояснить некоторые конкретные моменты, а потом, естественно, обо всём рассказать полковнику. Я уже давно хотел познакомиться с «дозорными», поэтому и согласился, не раздумывая, с предложением... Привели в просторную камеру, где квартировало трое мужиков разного возраста. Я сразу же, честь по

чести, доложил. Мол, так и так, являюсь «засланным казачком». Мужики оказались адекватными и компанейскими – вволю поржали, угостили сигаретой, рассказали пару-тройку свежих тематических анекдотов. Короче говоря, разговорились, подружились. Вот, собственно, и всё...

– Как это – всё? – возмутилась напарница. – А, как вы из тюрьги выбрались?

– Бог его знает, – сладко зевнул Антонов. – Случай, наверное, помог. Неожиданно в СИЗО нагрянули проверяющие из Москвы белокаменной. Обнаружили целую кучу каких-то серьёзных нарушений, мордатого полковника уволили, а всех задержанных отпустили по домам. Повезло, конечно. Бывает... С тех самых пор я и прибил к питерскому Дозору. Тружусь – в меру сил скромных... Ага, сворачиваем на Будапештскую улицу. Видишь – многоуровневую высотку из красного кирпича? Здесь я и проживаю. Проезжаем – ради пущей конспирации – мимо, до следующего перекрёстка... Сова, а сколько тебе лет? В том плане, что между полноценными напарниками не должно быть пошлых недомолвок... Колись, давай!

– Тридцать семь, – после трёхсекундного молчания, вздохнув, сообщила женщина.

– Да, ладно! Свистишь, наверное? Хочешь сказать, что мы с тобой – одноклассники? Не верю... Ведь, лет двенадцать-пятнадцать, елочки зелёные, утаила? Сознавайся, подруга боевая.

– Будешь хамить – засвечу в глаз, – хмуро пообещала Сова. – И защитный блок, отставной майор, не успеешь поставить... Всё, приехали. Вылезай, Гриня...

Серая «Шкода» остановилась возле типовой панельной девятиэтажки, на первом этаже которой располагался большой магазин с многоговорящим названием: – «Всё – для прекрасных дам».

– Пошли тратить финансовые средства щедрого Шефа, – покинув машину, предложил Гришка. – Оденем-обуем тебя, Совушка, по полной программе. При магазине имеется и косметический салон, и парикмахерская, и фитнес-клуб. Как, милая напарница, ты относишься к фитнесу?

– Нормально отношусь, – передёрнула узкими плечами Сова. – Только, братишка-майор, фитнесом мы с тобой займёмся в следующий раз. Нынче со временем туго. Надо задание выполнять. Не забыл, что нам поручено отыскать – как можно быстрее – некую Матильду?

– Не забыл. Такую – трудно забыть...

– Что, настолько ослепительная красotka?

– Не то, чтобы ослепительная. Просто – очень-очень миленькая... Ладно, двинули.

«Всё – для прекрасных дам» принадлежал Дмитрию Сазонову, с которым Григорий пять лет просидел за одной школьной партой. Потом их пути разошлись, но, как известно, школьная дружба не ржавеет, чем Антонов изредка и пользовался. То есть, приводил – время от времени – в магазин очередную подружку и, совершенно не смущаясь, требовал ценовых скидок и эксклюзивного обслуживания.

Димка, конечно, был тем ещё мутным деятелем. Якшался с Бесом и его дружками, скупал краденые ювелирные изделия, говорят, что даже приторговывал элитной наркотой. По-хорошему, его уже давно надо было сдать Дозору – для вдумчивой и тщательной разработки. Но, как известно, школьная дружба не ржавеет. Одноклассник, как-никак. Пять долгих и счастливых лет просидели за одной школьной партой...

Они пересекли главный торговый зал.

– Директор на месте? – спросил Гришка у молоденькой смазливой продавщицы, лениво прогуливающейся вдоль витрин с дамским разноцветным бельём.

– Полчаса назад прибыли, – смешливо улыбнулась девушка. – Смотрю, Григорий Иванович, вы резко и кардинально поменяли вкусовые пристрастия? Нынче предпочитаете стиль – «ретро»?

– Дура ты, Танька, – берясь за дверную ручку, сообщил Антонов. – Одни глупости на уме. Это – моя двоюродная тётушка. Из... Из Сызрани.

За дверью обнаружился длинный узкий коридор.

– Двоюродная тётушка, говоришь? – зло прошипела Сова. – Из Сызрани? Ну-ну, напарник хренов, бабник расписной. Теперь – только держись. Следующий ход за мной.

– Я же так, не всерьёз, – засмутился Гришка. – Типа – ради достоверной конспирации. Чтобы никто не догадался... Всё, прекращаем дружескую пикировку. Подходим к директорскому кабинету...

Сперва Сазонов, вяло поздоровавшись, особого энтузиазма не выказал. Но узнав, что на этот раз речи о дружеских скидках не идёт, заметно повеселел и пообещал оказать действенную помощь.

– Сколько уйдёт времени на полноценное и качественное обслуживание клиентки? – поинтересовался Григорий.

– Ну, это зависит от конкретной программы, – замялся Димка. – Так сказать, от аппетита и пожеланий.

– С аппетитом у меня, как раз, всё нормально, – заверила Сова. – Поэтому программа будет полной и расширенной. Включая маникюр, педикюр и модельную стрижку на интимном месте.

– Замечательно! – предчувствуя солидную прибыль, просиял Сазонов. – Тогда справимся часа за четыре с половиной.

– Надо уложиться ровно за два, – поправила капризная клиентка.

– Хорошо, уложимся. Без вопросов. Сейчас я отдам соответствующие распоряжения...

– Не буду вам мешать, – поднимаясь со стула, известил Гришка. – Домой заскочу, позанимаюсь разными бытовыми делами и делишками... Тетушка, встречаемся ровно через два часа, возле машины. Попрошу не опаздывать.

– Иди уже, племянничек, – язвительно проворчала Сова. – Носки, пожалуйста, не забудь поменять. А то, извини, пованивает слегка...

– Гриня, задержись на минутку, – попросил Димка. – Совсем забыл сказать... Искали тут тебя. Причём, с самого раннего утра. Мне даже на домашний звонили.

– Кто? Ребятишки от миляги Беса?

– Не, наоборот. Типа – менты.

– Чего хотели-то?

– Ничего конкретного. Просто спрашивали – когда я тебя видел в последний раз. Сказал, что где-то с неделю назад.

– Спасибо за инфу.

– Не за что. Люди свои. Сочтёмся...

Антоном вышел из магазина и, упруго шагая в сторону дома, негромко пробормотал под нос:

– Как-то избыточно быстро менты вышли на меня. Следовательно, им позвонило начальство и строго-настрого велело – землю рыть всеми лапами, позабыв об отдыхе и всех прочих глупостях. А, вот, кто позвонил полицейскому начальству? Что за высокопоставленная морда? Интересные дела, интересные... Не нравится мне такая нездоровая оперативность. Ох, не нравится. А Шеф-то голова. Предусмотрительный и прозорливый, ничего не скажешь...

Возле родимого дома ничего странного и подозрительного не наблюдалось, только на старенькой скамейке сидела, целомудренно обнимаясь, влюблённая парочка.

Он уже подошёл к парадной, когда сзади – со стороны скамейки – прозвучал вопрос:

– Гражданин Григорий Иванович Антонов?

– Он самый, – развернувшись на сто восемьдесят градусов, подтвердил Гришка. – С кем имею честь?

Со скамьи поднялась высокая черноволосая девушка, одетая по-летнему, и, демонстрируя в раскрытом виде служебное удостоверение, вежливо представилась:

– Следователь Алла Огурцова.

«Везёт нам, братец, в последние сутки, на встречи с красивыми представительницами слабого пола», – насмешливо фыркнул легкомысленный внутренний голос. – «А эта Огурцова – вообще... Натуральная Оксана Фёдорова, знаменитая телеведущая. Типа – лучшая подружка легендарных Хрюши и Степашки. Только помоложе Оксаны будет. Лет так на восемь-десять...».

Спутник девицы остался сидеть на прежнем месте и, закинув руки в карманы холщовой светло-кофейной куртки, пробурчал:

– Старший лейтенант Осадчий. Уголовный розыск.

– Очень приятно, – отозвался Гришка. – Чем могу служить?

– Предлагаю проехаться с нами, – лучезарно улыбнулась симпатичная Аллочка. – Надо поговорить. Машина ждёт за углом.

– В Пятнадцатое отделение?

– Не угадали, гражданин Антонов. В Управление, расположенное на улице Некрасова.

– Может, здесь поболтаем?

– Здесь, думаю, не получится, – так и не вставая со скамьи, презрительно процедил старший лейтенант Осадчий.

– Получится, – протягивая листок бумаги, сложенный напополам, заверил Григорий.

– Что здесь? – настороженно прищурилась девушка-следователь.

– Список людей, готовых подтвердить, что весь вчерашний день – с самого раннего утра – я провёл в посёлке Токсово. На даче у старинного приятеля. Причём, в окружении большой и дружной компании. Напротив имён-фамилий в списке – для вашего удобства – и номера мобильных телефонов проставлены.

– Даже так?

– Ага. Я, ведь, человек опытный и честный. В том плане, что битый и тёртый. А времена нынче настали – не приведи Бог. В том смысле, что насквозь мутные, тревожные и нервные. Всегда и всюду надо быть начеку. Диалектика, как учил – в своё время – мудрый и незабвенный старикашка Карл Маркс.

– Может, гражданин, вы себе копию с перечня снимете? – скорчив кислую мину, любезно предложил старший лейтенант. – Чисто на всякий случай. Вдруг, другие российские спецслужбы заинтересуются вашей приметной персоной? Тьфу-тьфу-тьфу! Не дай Бог, конечно...

– Спасибо, не нуждаюсь, – гордо отказался Антонов. – У меня, господа полицейские, очень хорошая память... Так – как? Вопрос, надеюсь, разрешён? Я могу идти?

– Можете, гражданин, – расстроено поморщившись, разрешила следователь Огурцова. – Ничего не хотите сказать на прощанье? Всё-таки, мы вас здесь прождали два с половиной часа.

– Скажу, конечно. Как – не сказать? Мне тут одна безымянная сорока принесла на длинном хвосте информацию, что господин Бес – якобы – ввязался в очень несимпатичную и опасную игру.

– В какую конкретно?

– Не знаю, честное «грушное» слово. Просто присмотритесь к фигуранту. Как бы не заигрался. Земляк, всё-таки, как ни крути... Ну, господа полицейские, всех вам благ! И значимых успехов в борьбе с кровавым преступным миром...

Войдя в квартиру, он, первым делом, перемыл всю грязную посуду и собрал бытовой мусор в большой полиэтиленовый пакет. Предстояло покинуть «родовое гнездо» на неопре-

делённый срок, поэтому надо было озаботиться и элементарными санитарно-гигиеническими моментами.

После этого Гришка загрузил в чемодан средних размеров: махровое полотенце, зубную пасту и щётку, чистые трусы, носки, носовые платки, ноутбук, а также одежду и обувь, могущую пригодиться в ближайшее время. Под полотенце, на чемоданное дно, был помещён верный браунинг и две запасные обоймы к нему.

Приняв душ, он тщательно побрился, облачился в лёгкие летние брюки и светлую футболку, покрытую цветными абстрактными рисунками, после чего слегка заgrimировался. То есть, приклеил под нос (специальным клеем), залихватские усики «а-ля поручик Ржевский», а на голову напялил пышный и кучерявый парик – цвета воронова крыла, с редкими тёмно-фиолетовыми прядками. Плюсом разместил на носу стильные очки с тёмными стёклами, заключёнными в модную оправу.

Посмотревшись в зеркало, Григорий остался доволен и даже мысленно похвалил сам себя: – «Натуральный и патентованный Казанова, ловец доверчивых женских Душ и трепетных тел. Ну, ни на грамм не похож на недавнего лысого неудачника... Э-э-э, чего-то явно не хватает. Может, надо росточка добавить?».

В условленное время, надев на ноги – для полноты картины – остроносые модельные туфли на семисантиметровом каблуке (мужские, ясен пенёк), и прихватив чемодан, он покинул квартиру.

Вышел из парадной и невольно притормозил-отпрянул – прямо ему на голову откуда-то сверху (может, с подъездного козырька?), посыпался какой-то непонятный мусор: пожухлые листья, сигаретные окурки, обрывки бумажек и мелкие пластиковые обрезки.

– Совсем охренели, – отряхиваясь, пробормотал Антонов и, выждав с полминуты, отправился дальше.

Рядом с серой «Шкодой» Совы не наблюдалось.

– Чего, впрочем, и следовало ожидать, – пристроив чемодан рядом с передним колесом машины, ехидно проворчал Гришка. – Женщины, они всегда и везде опаздывают. Впрочем, в данном конкретном случае это простительно. Мол, почти восемь лет обходилась, бедняжка, без нормального нижнего белья, приличной одежды и косметики...

Закурив и сделав несколько глубоких затяжек, он заинтересованно посмотрел направо: со стороны магазина приближалась элегантная – до полной невозможности – женщина. Вернее, дама из высшего европейского общества – невысокая, но очень стройная и гибкая, одетая в строгий деловой костюм нежно-сиреневого цвета. Из-под крохотной шляпки выбивались-выглядывали тёмно-пшеничные, слегка волнистые волосы, а сама шляпка была оснащена тёмно-серой вуалью.

«Прямо-таки, Наталья Белохвостикова – из легендарного кинофильма «Тегеран – 43», – восхищённо подумал Антонов. – «Само воплощение безупречной эстетики и настоящего высокого стиля. Коленки очень аппетитные. Юбку бы ещё чуток укоротить... Интересно, а кто она – на самом деле? Жена прожжённого бизнесмена, притворяющегося честным депутатом? Или же директриса частной элитарной гимназии?»

Не дойдя до «Шкоды» метра два с половиной, незнакомка повернула в сторону. Раздался едва слышный «бряк». Это из элегантной дамской сумочки (в цвет делового костюма и туфель на каблуках-рюмочках), на купчинскую мостовую выпала крохотная зажигалка в позолочённом корпусе.

– Извините, пожалуйста, миледи, – неуверенно заканючил Гришка. – Но, вы обронили...

– Обронила? Так подбери, Гриня. Будь другом, – попросил знакомый, чуть-чуть хриловатый голос. – Говоришь, двоюродная тётушка из Сызрани, которая выглядит на пятнадцать

лет старше собственного природного возраста? Ну-ну.... Хам ты трамвайный, вырядившийся под Казанову. То бишь, под классического и бесстыжего альфонса...

Глава четвёртая

Хруст сушек

Гришка, чувствуя, что покраснел как варёный рак, наклонился, подобрал с тротуара тускло-жёлтый брусочек, выпрямился, протянул.

– Спасибо, шевалье, – неторопливо пряча зажигалку в сумочку, ангельским, чуть-чуть хриловатым голоском промурлыкала Сова. – Ты очень мил, если не сказать большего. Заслуженный «грушник», умеющий краснеть почище прыщавого шестнадцатилетнего юнца? Экзотический, нестандартный и эксклюзивный случай. То бишь, достойный, чтобы его незамедлительно зафиксировали в литературных анналах и скрижалях...

– Да, ладно тебе, – вконец засмутился-растерялся Григорий. – Ерунда свинячья.... Может, уже поедем?

Послышались непонятные, противные для ушей звуки.

Антонов резко обернулся – это продавщица Татьяна катила от магазинного входа тележку, от души заваленную разнокалиберными свёртками и пакетами. Площадка перед магазином была выложена квадратной тротуарной плиткой, поэтому чёрные колёсики тележки, попадая на стыки между плитками, отчаянно тряслись, мелко-мелко подрагивали и громко дребезжали.

– Поедем, – сквозь звуковую какофонию сообщила преобразившаяся напарница. – Минут через несколько. Только сперва закладываем вещички. Помоги, Гриня, милой девушке....

Когда чемодан и свёртки-пакеты были уложены, Гришка, захлопнув крышку багажника, поблагодарил:

– Спасибо, Танюша!

– Это вы, Григорий Иванович? – обомлела продавщица. – Надо же. Только по голосу узнала. На маскарад, наверное, собрались? Или решили податься в шпионы? Всё, молчу, молчу.... Тележка? Сама справлюсь. Она, когда пустая, хорошо катится.... А тётушка ваша – очень хороший человек. С чувством юмора и совсем нежадная. Ещё в современной моде здорово разбирается.... Правда, татуировки у неё какие-то странные. Впрочем, не моё дело. Бывает.... Ладно. Я побежала. До свидания!

– Пока...

Сова аккуратно закинула вуаль на шляпку, «Шкода», приветливо рыкнув, плавно тронулась с места.

– Поворачиваем направо, – велел Антонов, а про себя подумал: – «И морщины у бывшей майорши юстиции почти все пропали. Вполне даже симпатичная и привлекательная мордашка. Волшебная сила макияжа, надо думать...».

– Нам надо налево, – возразила напарница. – Как добраться до Краснопутиловской, я лучше твоего знаю.

– Направо.

– Значит, упряимся?

– Ага.

– Ладно, соратник, уговорил. Повернула. Дальше куда?

– Прямо. Увидишь вывеску: – «Купчинский рынок», подъезжай и останавливайся.

– Что ты там забыл?

– То, что старенький и бородатенький доктор прописал, – таинственно подмигнул Гришка. – Типа – сюрприз будет. Рули, подруга, не отвлекайся.... Кстати, что это у тебя за

татуировки, произведшие на местных продавщиц такое неизгладимое впечатление? И, пардон, на каких частях тела?

– Э-э-э, – замялась Сова. – М-м-м...

– И лишь смущённое мычание было ему ответом. Так что, один-один. Или уже – два-два? Сбился со счёта, извини... Слушай, а дашь посмотреть? Допустим, сегодня вечерком? Мы же нынче, как-никак, напарники. Да и проживаем в одной квартире.... Не обижайся, пожалуйста. Шутка такая.

– Горазд ты, Гриня, языком молоть. Не отнять.... Только не о том думаешь, Казанова озабоченный.

– А о чём надо?

– Например, о непонятных ментах, которые тебя, бравого, разыскивают с самого раннего утра.

– Я уже прояснил этот вопрос. Более того, даже отшить успел.

– Да? Проясни-ка более подробно.

Он рассказал о неожиданной встрече со следователем Огурцовой и старшим лейтенантом Осадчим.

– Хреновые дела, – подытожила напарница.

– И в чём же заключается эта хреновость?

– В улице Некрасова, на которой расположено ГУВД.

– Это да, – согласился Антонов. – Значит, пахнет серьёзными пакостями и неприятностями. По-настоящему серьёзными.... Впрочем, это не моя головная боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.